

ВЛАДИМИР
ЧИВИЛИХИН

ПАМ'ЯТЬ

Владимир Алексеевич Чивилихин

Память

Серия «Тайна Льва Гумилева»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22550316
Память/ Владимир Чивилихин: Алгоритм; 2007;
ISBN 5-9265-0329-3*

Аннотация

Зарождению и становлению российской государственности и культуры, ратным подвигам и мирному созиданию русского народа в эпоху раннего Средневековья посвящено предлагаемое читателю произведение замечательного публициста Владимира Алексеевича Чивилихина. Эта книга – заключительная часть его многолетней работы над романом-эссе «Память», однако, по словам самого автора, она имеет самостоятельное значение и может рассматриваться как законченное произведение, своего рода итог большого путешествия в Древнюю Русь и одновременно размышления об отношении современников к духовному и историческому наследию, о проблемах изучения истории. С началом перестройки роман оказал большое влияние на развитие общественной мысли, патриотического движения в России и создание общества «Память». В.А.Чивилихин был одним из главных и последовательных оппонентов Л.Н.Гумилева и

всеми доступными способами стремился к развенчанию теории этногенеза и пассионарности своего коллеги.

Владимир Чивилихин

Память

...Давно ушедшие люди с их страстями, помыслами и поступками, движения и продвижения народов, царства и кумиры, великие труды миллионов, моря их крови и слез, разрушающее и созидательное, пестрые факты, широкие обобщения, разноречивые выводы – в этой бездне минувшего так легко и просто потеряться, растворить себя в том, что было и больше никогда не будет, а поэтому будто бы так легко и просто обойтись без всего этого, прожить оставшееся время сегодняшним днем, найдя радость в честном заработке на кусок хлеба для своих детей. Однако память – это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, неспособными достойно, мужественно встретить будущее.

* * *

Скромная тоненькая книжечка в обложке цвета запекшейся крови стоит у меня на заветной полке. Она не новая, с ослабшим переплетом – видать, побывала во многих руках. Тираж небольшой, как и формат – книжечка легко поместится не только в офицерском планшете, но и в кармане солдатской шинели. Увидел я ее случайно в кучке дешево-

го букинистического разнокнижья и купил за полтину, хотя на самом деле цены ей нет... Сборник называется «Героическая поэзия Древней Руси» и составлен в блокадном Ленинграде. Всякий раз, как беру эту книжку в руки, долго не могу оторваться. В чьих руках она побывала? Кому помогла?

Переводы «Сказания о Кожемяке», «Жития Александра Невского» и «Задонщины» сделаны Виссарионом Саяновым, давно уже ушедшим от нас замечательным ленинградским поэтом, из сибиряков, почему-то забытым нашей критикой. А «Слово о полку Игореве» переведено Владимиром Стеллецким, и я однажды, захватив с собой драгоценную книжечку, навестил его, больного и слабого, живущего ныне в Москве на Солянке. Мы долго вспоминали войну, говорили об истории выпуска сборника, о работе нашей писательской комиссии по «Слову» и больше всего, конечно, о самой этой бессмертной поэме, о переводах ее Алексеем Мусиным-Пушкиным, Василием Жуковским, Аполлоном Майковым, Константином Бальмонтом, Николаем Заболоцким, Дмитрием Лихачевым, Николаем Рыленковым, Иваном Новиковым, Алексеем Юговым...

– Вы знаете, Владимир Иванович, за что я еще ценю ваш перевод?

– Да?

– За одну колдовскую строчку, которую перед войной Иван Новиков да вы в блокадном издании передали точнее всех других переводчиков. Вернее, даже за одну букву.

– Что имеется в виду?

– Ну, вы знаете, конечно, что слово «храбрый» употребляется в поэме одиннадцать раз.

– Нет, не считал.

– Причем в последней трети текста – после призывов загородить полю ворота и стать за землю русскую – оно совсем не встречается.

– Правда, в поэме много значат даже отсутствующие слова... Сами заметили?

– Да.

– Поздравляю! Итак, что за строчка или буква?

– «Дремлет в поле Ольгово хОрОбрОе гнездо», – нажимал я на «о». – Понимаете, одиннадцать раз «храбрый», «храбрая», «храбрые», «храброму» и так далее, и один-единственный раз в подлиннике – «хороброе»! Это же не может быть случайным!

И вздохнул заговорил я о том, что здесь – авторский ключ к еще одной тайне «Слова», его волшебной звукописи, оттеняющей смысл. В полногласии этом – оро, – сохраненном и в первом печатном издании, и в Екатерининской копии, – тревога, будто бы ночной набатный колокол, слышимый автору, звучит над спящим войском...

– А чуть раньше – гениальная аллитерация: «С зарания в Пяток ПотоПташа Поганные Полки Половецкие». Звукопись изумительно передает конский топот!

– Ну, этот-то пример затоптанный...

– А почему вы, Владимир Иванович, сохранили единственное своем роде слово подлинника «хороброе» только в этой блокадной книжке! Зачем вы придали ему краткую форму в других изданиях?

– Не придавал. Это, наверно, корректора, и я даже не заметил... Восстанавливаю...

Снова и снова листаю буро-красную книжечку, вышедшую в Ленинграде в самый тяжкий час его истории. Глаз выхватывает строки:

Земля гудит, реки мутно текут,
Пыль поля покрывает...

А дальше лучше все же в подлиннике:

«Стязи глаголють: половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ русскыя плъкы оступиша».

Отъ всехъ странъ... В переводе на современный язык – «со всех сторон».

Подправлять прошлое в угоду кому или чему бы то ни было – дело не только безнадежное, но и рискованное; попытка, например, изобразить отношения русских и половцев в виде чуть ли не альянса, как это сделал один молодой современный автор, была более или менее решительно пресечена музой истории и эпоса Клио, обычно спокойно-уравновешенной, но иногда все же более или менее взволнованно бе-

рущей в руки более или менее гибкую лозинку. Отходчивая дочь Зевса и Мнемозины пояснила при этом – за *полтора века половцы предприняли почти пятьдесят больших походов на Русь*, кроме бесчисленных мелких грабительских набегов, причем разорению подвергались самые богатые и густонаселенные земли, где изреживалось население, поля за-
растали, а глад и мор довершали начатое, превращая обжитые земледельческие районы в Дикое поле. Половцы отрезали от Руси Черное море и Византию, захватили русское княжество Тмутаракань, единственное, которое уже никогда не возродилось.

К концу XII века, однако, половецкая опасность ослабла, и набег, скажем, на Посемье 1185 года, последовавший за поражением войска Игоря, был эпизодическим и, в сущности, безрезультатным. Половцы лишь взяли крохотный степной городок Римов да сожгли пригород Путивля. И думаешь иногда: что грянуло бы, если б «сепаратный», «неудачный», «авантюристический», «легкомысленный» и так далее поход Игоря не состоялся той весной и именно в те дни – не позже и не раньше? Ведь князь Игорь с отрядом в семь-восемь тысяч воинов, стремительным броском проникший в глубь половецкой степи, увидел перед собою профессиональное воинство степняков, в несколько раз превосходящее его силы! Откуда оно вдруг взялось? Может быть, дружина Игоря стала случайной или не совсем случайной жертвой, предупредившей, однако, и сорвавшей еще один большой половецкий

поход, скорее всего, на Киев – в ответ на последний победоносный объединенный поход великого князя Святослава, которого в те дни, кстати, не было в столице и он, наверное, ничегошеньки не знал об угрозе, иначе б не уехал в далекий Карачев, где ему совсем не обязательно было тогда находиться, – немногочисленную рать с лесного севера мог привести любой воевода или княжич.

Перед новым большим путешествием в прошлое, на поля сражения главного военного фронта русского средневековья, надо хотя бы мельком взглянуть на то, как открывался и полвека разворачивался тогдашний второй фронт, – любознательному читателю, быть может, полезно будет увидеть этот хроникальный сгусток событий, чтобы подкрепить школьные аксиомы памятью о тяжком историческом уроке, предшествовавшем Невской битве и Ледовому побоищу.

С Прибалтикой и ее народами Русь была связана издревле. Еще в 945 году в составе дипломатической миссии князя Игоря Старого, посланной в Константинополь, был некий Ятвяг (то есть литовец) Гунарев. Среди других соседних народов начальные русские летописи числят и прибалтийские племена, «иже дань дают Руси», то есть киевскому князю. По Западной Двине и Днепру – водным артериям, связывающим Русь с Прибалтикой, – уже тогда плыли и ехали купцы, сборщики дани, князья, воеводы, миссионеры, дружинники. В руках полоцких князей был весь речной бассейн – от моря до верховьев, где стояли перевальные пункты

Полоцк и Витебск. Стратегически важный район Прибалтики выбрали немецкие феодалы в качестве ключевого объекта своей экспансии. В 1184 году они высадились в устье Двины, и монах Мейнард, ищущий для римской курии новых доходов, обратился к полоцкому князю Владимиру Всеславичу, которому ливы, еще язычники, платили дань, за разрешением проповедовать в этой земле.

Молодой удельный князь новгород-северский Игорь Святославич за год до своего знаменитого похода на половцев мог еще не узнать об этом десанте, но про дальнейшие события на крайнем северо-западном пограничье Руси в самом конце XII и самом начале XIII века великий князь черниговский, несомненно, имел представление, хотя бы в общих чертах. Его древнейший город Любеч на Днепре был главным обменным пунктом в торговле между собственно русской землей, северорусскими княжествами и Прибалтикой, где в те годы происходило следующее.

1184–1195 годы. Колония немецких миссионеров, купцов, профессиональных вояк, искателей приключений разрасталась – захватывала чужие земли, насильственно обращала в католичество окрестное население, привлекала на свою сторону местную знать, засылала на восток и юго-восток знатоков торговых, религиозных и военных перспектив. Учредилось ливонское епископство.

1196 год. Нападение на восточное побережье Балтики датских рыцарей.

1197 год. Шведские феодалы грабят и жгут селения эстов.

1198 год. Создание Ордена крестоносцев в Палестине и перебазирование его в Прибалтику. Папа римский Целестин III провозглашает северный крестовый поход. Епископ Бертольд с войском крестоносцев приходит на Западную Двину, принудительно крестит ливов, облагает их хлебной данью.

1200 год. Епископ Альберт Буксгевден, этот, по словам Маркса, «паршивый бергенский каноник», на двадцати трех кораблях врывается в Западную Двину, разбивает объединенные войска ливов и земгалов. Это была стратегическая «свинья» – военный, экономический, религиозный клин в средостение Прибалтики.

1201 год. Крестоносцы основывают крепость Ригу в устье Двины, ставя под контроль всю торговлю по этой реке, верховья которой принадлежали русским.

1202 год. Учреждение духовно-рыцарского Ордена меченосцев. Русские купцы, добравшиеся до земли пруссов, впервые увидели мечи на белых плащах. Плащей с крестами и мечами становилось все больше, и они мелькали все ближе у границ Руси.

Игоря Святославича не стало в конце 1202 года, и только человек, слишком недооценивающий своих предков, может допустить, что *такой* князь каким-то образом избежал военной и дипломатической информации или даже просто слухов о новостях с ближайшего северо-западного пограни-

чья...

Пестрая западная орда вначале предавала огню и мечу береговые селения прибалтийских славян, пруссов, латышей, эстов, причем война с пруссами велась на полное уничтожение этого мужественного народа. В разноречивых летописях первой трети XIII века немало страниц, повествующих о героическом сопротивлении захватчикам, о контрударах, длительных и кровопролитных войнах, когда рядом с прибалтийскими ополчениями сражались русские.

1207 год. Русский князь Вячеслав Борисович, прозванный «Вячко», держит крепость Куконас на среднем течении Двины. Отбивает все приступы, громит несколько отрядов немцев, но борьба была неравной; Вячко сжигает крепость и уходит на Русь.

1216 год. Эсты просят «полоцкого короля» Владимира помочь им «теснить войной» западных рыцарей, и русская рать немедленно отправляется в поход, к которому присоединяется шестнадцатитысячное новгородско-псковское войско. Началась «великая война русских и эстов против ливонцев».

1217 год. Снова князь Вячко вместе с братом Васильком сражается против немцев, но вскоре уходит в Псков просить помощи.

1219 год. На подмогу крестоносцам идут войска датского короля Вольдемара II. Датчане захватывают северные районы земли эстов, закладывают крепость Ревель. Крестоносцы продолжают наступать по югу.

Единственное спасение эсты по-прежнему видели в помощи Руси и общенародном сопротивлении. По их просьбе в Юрьеве, Вильянди, других крепостях были размещены гарнизоны псковитян и новгородцев. Патриоты призвали народ к восстанию. Пользуясь, однако, превосходством в вооружении и осадной технике, рыцари разбивали войска отчаянно сражавшихся эстов и брали крепость за крепостью. Героически сопротивлялась Вильянди; после ее падения всех русских, как пишет немецкий хронист, «повесили перед замком на страх другим русским».

Полоцкое княжество, находившееся в силу исторических условий в относительной политической изоляции от остальной Руси, не могло своими силами защитить вассальных ливов, новгородцы и псковитяне – эстов: слишком большая сила ломилась с запада.

1221 год. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович направляет свои войска в землю ливов, осаждает Ригу; эсты снова поднимают всеобщее народное восстание. Война идет с переменным успехом. Ни Риги, ни Ревеля взять не удалось, отбить Вильянди тоже. Правда, у русских и эстов оставалась еще сильная крепость Юрьев, основанная два века назад Ярославом Мудрым.

1223 год. Прибалтика истекает кровью; и я не знаю, что это – слезы сосен или кровь людей запеклись и закаменели в красном прибалтийском янтаре...

Старейшины эстов снова прибыли, как пишет тот же

немецкий хронист Генрих Латвийский, «в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских *на помощь* против тевтонов и всех латинян».

Любознательный Читатель. Но ведь это был год, когда «короли русские» почти все погибли на Калке!

– Да. Именно в тот страшный год, как сообщает Ипатьевская летопись, «приде неслыханная рать, безбожные Моавитяне, рекомые Татарове». Об этом сообщили русским князьям половецкие гонцы и беженцы: «Аще *не поможете* нам, мы ныне изсечены быхом, а вы наутре изсечены будете». О битве на Калке мы еще вспомним, а пока отметим, что ни наступление врагов с запада, ни феодальная раздробленность, ни княжеские распри, ни сжатые сроки для всеобщей мобилизации не помешали сбору с обширных территорий русских войск, чтоб защитить восточных соседей от угрозы полного уничтожения, обезопасить свои земли, предотвратить союз неведомых грозных пришельцев с половцами. Великий князь киевский Мстислав послал гонцов ко всем русским князьям, в том числе к великому князю владимирскому Юрию: «Аще сим *не поможем*, и предадутся половцы татарам, то тяжчае ны будет», а сам «начата воинство велие совокупляти». На рубеж половецкой земли вышли князья и войска киевские, черниговские, смоленские, ростовские, галицкие, волынские, шумские, несвижские, путивльские, курские, трубчевские, дубровские, «друзи мнози князи» со своими дружинами, включая – по Татищеву – даже

новгородское войско во главе с Михаилом Всеволодовичем, будущим князем черниговским и киевским... Слово «помощь» я выделил в подлинных текстах, чтобы облегчить любознательному читателю понимание событий.

– И предал общерусское дело только Юрий Всеволодович владимирский? А ведь его сильное войско, наверное, могло бы решить исход битвы на Калке...

– Возможно, только надо учесть, что орда никогда не принимала боя, если противник был многочисленнее, явно сильнее; она просто рассыпалась по степи. Однако Юрий никого не предавал и был даже неизвестным героем того тяжкого года.

– Ну, знаете!

– Знаю... В залесном княжестве Юрия, конечно, не ведали истинной мощи татар, их тактики степных сражений и вполне могли счесть новую восточную опасность вроде половецкой – рядовой и, можно сказать, привычной.

– Это не оправдание для предательства, трусости или измены – назовите как хотите отказ Юрия помочь половцам и сородичам, только не геройством.

– Не истинное ли геройство – собрать двадцатитысячную армию, включавшую новгородцев и псковичей, и двинуть ее в тысячеверстный марш-бросок на врага?

– Если б Юрий это сделал!

– Юрий сделал это в том самом 1223 году, только двинул он армию на запад, чтобы помочь эстам в борьбе против

немецких захватчиков. Это — подлинная правда, как бы символизирующая собою те давние события в истории нашего народа, вынужденного сражаться на два фронта...

В том же году, как пишет Генрих Латвийский, новгородцы снова направили к эстам князя Вячко, поручив ему «господство в Дорпате (то есть Юрьеве, Дерпте, Тарту. — В. Ч.) и других областях» и, «чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, отдали ему подати окружающих областей». Однако судьба этой древней крепости и всех прилегающих земель эстов была предрешена. Епископ крестоносцев Альберт съездил в Германию за военной помощью, и в следующем году Юрьев пал. Когда «русские все сбежались к воротам для отпора», крепостная стена, забросанная камнями из баллист и зажигательными горшками, была взята приступом. Последние русские воины во главе с князем Вячко погибли в детинце...

Постоянно набирая в Западной Европе подкрепления, захватчики продвигались все дальше на восток и непосредственно перед нашествием Батыя вышли к границам псковско-новгородских, литовских и галицко-волинских земель.

1233 год. Папская курия снова объявляет северный крестовый поход. Протекал он с подробностями, которые тоже стоит вспомнить.

1234 год. Новгородский князь Ярослав Всеволодович собрал, как сообщается в летописи, «множество полков своих» и пошел на Юрьев. Об этом большом весеннем сраже-

нии русских войск с немецкими рыцарями на реке Эмайгге мы знаем куда меньше, чем о Ледовом побоище, блестяще осуществленном сыном Ярослава Александром ровно через восемь лет на Чудском озере, и поэтому я приведу о нем несколько летописных строк, из коих можно заключить, что отец был хорошим учителем сына, сын – достойным учеником его, а русское воинство умело в средневековье привлекать на свою сторону вполне надежного союзника – природу.

Под Юрьевом русские ратники обратили вспять войско крестоносцев, убили «лучших немецъ неколико» и заставили остальных отступить на речной лед, который «обломишася, истопе их много, а ини язвыни (то есть раненые) вобегоша» в крепость. В результате Ярослав Всеволодович «взя с ними мир на вьсей правде своей».

1236 год. «Обнаглевшие меченосцы, рассчитывая...на стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь... предприняли крестовый поход против Литвы» (К. Маркс). Литовский князь Миндовг наголову разбивает войско рыцарей в жестокой битве при Шяуляе. Был убит магистр Ордена меченосцев Волквин и предводитель северогерманских отрядов. «...Этих псов жестоко отдули» (К. Маркс).

1237 год. Конрад Мазовецкий «дарит» рыцарям не принадлежавший ему русский торговый город Дорогичин и пропускает их через свои земли. Князь Даниил Романович Галицкий: «Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ» (то есть «крестовникам», крестоносцам). Во главе вой-

ска он «поидоста на не в силе тяжьце», разбил тевтонов, пленил их предводителя. К удовлетворению святого отца римской церкви, остатки Ордена меченосцев, полностью уничтожившего прусский народ, сливаются с Тевтонским орденом крестоносцев. Начинаются переговоры с датскими и шведскими королями, феодалами и рыцарями о совместных, военных действиях против Руси.

А с далеких восточных степей двинулись на запад неостановимые конные орды...

Снова раскрываю красно-бурую книжечку, выпущенную в блокадном Ленинграде.

В лето шесть тысяч семьсот сорок пятое,
Во второе десятилетие по принесении
Чудотворного образа Николина из Корсуня,
Пришел безбожный царь Батый
На русскую землю со многими
Отрядами войска татарского,
И встал на реке на Воронеже
Близ Рязанской земли станом воинским...

Легко ль быть героем, дорогой читатель, если твой окоп с двух сторон зажимают лобовой броней танки, и еще один оказался впереди, и с тылу вражеские танки грохочут, а в окопе разноголосица и просят о *помощи* истекающие кровью соседи?

Раскрываю книгу, вышедшую в 1941 году, читаю строки, написанные в монгольской степи за семьсот лет до этого.

Этот вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!

Так стонет-причитает мать девятилетнего Темучина, когда тот убивает своего брата, отнявшего у него пойманную в реке рыбешку. «Юань-чао би-ши» («Сокровенное сказание») – изумительный памятник средневековой монгольской литературы, и мы не раз еще обратимся к нему.

Темучин, названный впоследствии Чингисханом, остался в памяти людей как самый жестокий из «покорителей вселенной», заливший невинной человеческой кровью евразийские просторы и почти умертвивший собственный народ, под которым подразумеваются племена, кочевавшие в XII веке севернее реки Керулен.

Далекое прошлое многих современных народов туманно, их этнические корни сплетались и отмирали в темной глубине веков, и поколения ученых кропотливо, по крупицам восстанавливают память земли людей с помощью археологии,

антропологии, топонимики, лингвистики, древнейших мифов и письменных источников. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло однажды задал несколько неожиданный вопрос: «...был ли Темучин монголом по происхождению?»

Центральная Азия – гигантский котел, в котором с незапамятных времен klokотала жизнь, – постепенно раскрывает свои тайны. Народы, некогда обитавшие в центре величайшего из материков планеты, время от времени дают о себе знать – отдаленнейшие их земляки и потомки то там, то тут находят следы пребывания на земле неведомых племен, заглядывая в сумрак тысячелетий и становясь в тупик перед неразрешимыми пока загадками прошлого. Вот, кажется, совсем будто бы недавно ученые установили, что в алтайских горах люди жили за сто тысяч лет до нас, и вдруг там же только что обнаруживаются материальные признаки человеческой деятельности, отодвигающие эту временную границу еще на полмиллиона лет! Позже в печати появилось сообщение, определяющее древность улалинских находок в семьсот тысяч лет, а 31 мая 1982 года «Правда» напечатала, что «под руководством А. П. Окладникова на алтайской речке Улалинке обнаружено древнейшее поселение возрастом в миллион лет»...

Но чьими предками были авторы наскальных сибирских писаний? Мне довелось видеть контуры зверей, птиц, людей и чудовищ над быстрыми водами Томи – для меня они куда интереснее сахарских или пиренейских! Вспоминаю также

минусинские каменные изваяния с абстрактными вытянутыми женскими лицами и никому не понятными знаками, нанесенными задолго до скифских времен. Некоторые ученые предполагают, что много тысяч лет назад этот таинственный народ по пути с Индостанского полуострова приостановился в теплой южно-сибирской котловине перед великим маршем на северо-восток, через приполярные миражи, в далекие дали соседнего континента, где найдены бесспорные аналоги своеобразной культуры древних сибиряков. Потомками какого исчезнувшего азиатского народа считать енисейских кетов, говорящих на языке, совершенно не похожем ни на один язык сегодняшнего мира, в том числе и на языки ближайших соседей – эвенков и селькупов? А чем объяснить необыкновенное художественное совершенство и разнообразие древнеалтайских изделий, что украшают Эрмитаж? Какой гений сберег их, отвечающих теперешним эстетическим вкусам, в мерзлой почве Пазырыкских курганов?..

С нетерпением спешу сообщить любознательному читателю о совершенно необыкновенных находках самого последнего времени. В горно-таежном районе Северной Монголии, на террасе реки Чулут (по-алтайски «чул» – река), советско-монгольская экспедиция геологов только что обнаружила феноменальную картинную галерею. Она расположена примерно на высоте двух тысяч метров и сплошь тянется по скалам на протяжении *сорока километров!* Изображения животных и людей динамичны и выразительны, они бу-

дут тщательно изучены, но о трех сенсационных открытиях можно говорить уже сейчас. На рисунках изображены северные олени, ушедшие из этих мест вслед за ледником, и самые осторожные ученые утверждают, что рисункам не может быть менее шести тысяч лет. Далее. Есть ясные изображения оленей-быков, запряженных в *колесницы*, настолько ясные, что даже спицы в колесах можно сосчитать. Считаю по снимку – их восемь между ступицей и ободом. Значит, животные здесь были полностью приручены и одомашнены уже в эпоху неолита! И, наконец, самое, быть может, неожиданное – колесницей правит человек в характерной широкополой шляпе – точно такие головные уборы запечатлены на скальных петроглифах в местах древнего расселения некоторых *индоевропейских* народов!

Однако даже *такое* открытие вроде бы поблекло перед новейшим, случайно сделанным томским студентом Владимиром Дмитриевым. Он не занимался петроглифами и не готовился стать археологом. Будущий гляциолог изучал ледовые образования в карстовых пещерах неподалеку от моей родины в отрогах Кузнецкого Алатау. И вот в одной из пещер над речкой Белый Июс он подобрал кость животного и несколько камней со следами обработки. Новосибирский доктор исторических наук археолог В. Е. Ларичев, получивший находки и немедленно выехавший на место, обнаружил в этом районе великолепные образцы древнего изобразительного искусства, только подбор животных был необык-

новенно разнообразен – кроме, естественно, оленей, лошадей и орлов, на рисунках ожили мамонты, бизоны, черепахи и даже пещерные львы, а кроме живописи, нашлись и барельефы, и гравировка, и подвески-украшения, и скульптура. И вот совсем уж фантастическое – духовой музыкальный инструмент, темно-красная *каменная свирель*. Значит, человек уже *тогда* не только обменивался мыслями, но и почувствовал в душе своей тягу к искусству. Когда это – тогда? Чтобы читатель мог по достоинству оценить это открытие, сообщу, что недавно в одной из пещер Южной Индии обнаружена плохо сохранившаяся наскальная роспись, которая определена как древнейшая для всего субконтинента, где с незапамятных времен возгорались очаги культуры. Поразительно, что для получения коричнево-красных тонов художник использовал железистый минерал гематит, из которого сибирский музыкант сделал если даже не свирель, то охотничий манок. Роспись у индийского села Марайюр датируется 8000–7000 годами до нашей эры. «Наибольшее волнение, – сообщил В. Е. Ларичев в газете «Правда», – вызывает возможность взглянуть в лицо человеку. Бородатое, окрашенное желтовато-красной охрой, оно воспринимается как портретное изображение конкретного человека, увлеченного ритуальной пляской». И последнее – оказывается, тончайшим резцом в мельчайших деталях выгравированы на камне его, *бесспорно, индоевропейские черты*! Археологические работы близ селения Малая Сья на Белом Июсе настолько

объемны и важны для мировой исторической науки, что составлена их программа до 2000 года.

Жадно рассматриваю снимки и рисунки каменных скульптурок; а барельефов, обнаруженных на Белом Июсе, который, сливаясь с Черным, образует приметную сибирскую реку Чулым. Крылатый конь, выбитый каким-то древним романтиком на камне, – никак, прообраз Пегаса? И в то же время он весь из реалистических деталей. Парит в стремительном прыжке, с вытянутой встречным ветром гривой и парусящим за ней бесформенным крылом; передние ноги сложились в бешеном поскоке-полете, задние, как струны, зубы оскалены, и я поневоле вспомнил стихи замечательного русского поэта Павла Васильева, которого так рано, в лермонтовском возрасте, не стало.

И коренник, как цыган хохоча,
Сиял, окружен голубыми ветрами,
То будто бы шубу
Срывая с плеча,
То самое небо
Хватая зубами...

А вот барельеф изображает волка, напавшего на дикую лошадь. Трудно описать словами неожиданный ракурс сюжета и его детали – оскаленную пасть волка, свирепый его глаз, прижатые уши и морду коня с напряженными ноздрями, глазом, в котором таится смертельный страх и обреченность –

животное готово к смерти... Голова льва с двумя змеями над гривой, мамонт, атакующий черепаху, щука, снова мамонт и черепаха, слитые в триединый символ, множество других зооморфных скульптур и барельефов, но все же я пока не сказал о *главном* открытии археологов на Белом Июсе!

В. Е. Ларичев: «Власть древнего скульптора над кремнем представлялась почти волшебной. Он владел камнем так, будто в руках его находился хорошо прогретый на огне кусок воска или густо замешенное тесто. Впрочем, археологу не пристало удивляться ювелирной чистоте обращения с камнем охотников древнекаменного века. За их плечами более 3 000 000 лет общения с этим даром природы, из которого они на протяжении десятков тысяч поколений изготавливали всевозможные инструменты. Свойства кремнистых пород первобытные люди знали так, что, пожалуй, могли бы, не прибегая к помощи сложной и дорогостоящей техники, консультировать современного геолога. Охотники на мамонтов, носорогов и диких лошадей не могли позволить себе знать камень плохо. Ведь от прочности, надежности и остроты их оружия зависела удача в охоте, а значит, и жизнь самого охотника и его близких. Камень, как сырье, составлял основу индустрии первобытных людей, и они познавали его качества до мыслимого и даже немислимого в тех условиях совершенства. Стоило ли удивляться ювелирной тонкости в отделке мельчайших деталей скульптурного изображения черепахи из жилища Малой Сии?»

И дело было даже не в том, что тончайше рассчитанными ударами древний мастер с помощью *сколов* на твердом камне воссоздавал мельчайшие реалистические детали животного – ячейки панциря, коготки на лапах, очертания хвоста, что некоторые углубления скульптуры – пока предположительно – заполнялись краской или – несомненно – панцирь черепахи был покрыт слоем мягкой известковой пасты, которая могла служить грунтом для нанесения еще более реалистических узоров. Вопрос вопросов – почему первобытный человек Малой Сии выбрал в качестве «героя» черепаху, которая не могла быть предметом охоты или символом культа плодородия?

За десять лет до этого В. Е. Ларичеву довелось исследовать огромную каменную черепаху, установленную в XIII веке на могиле Эсыкуя, выдающегося политического и военного деятеля чжурчжэней – об этом народе Дальнего Востока у нас большой разговор впереди. *Ученый пришел к выводу, что в обеих скульптурах образно и вещно отражен древнейший азиатский миф о сотворении мироздания.* Отсылаю любознательного читателя к работам В. Е. Ларичева, в которых археолог увлекательно и вместе с тем строго научно рассказывает о зооморфных и антропоморфных скульптурах Малой Сии, отразивших богатство внутреннего мира, верования, мифы и космогонические воззрения древних сибиряков, о культе Матери-Прародительницы, зарождении ранних идей мыслящего человека о жизни, устройстве и происхож-

дении Вселенной...

Находки эти, имеющие, безусловно, огромное значение для мировой археологии, вызвали большой интерес читателей – сужу по письмам, полученным мною после журнальной публикации «Памяти». Первым среди них было письмо В. П. Коровкина из далекого таймырского Талнаха: «Семнадцать лет я работаю в Норильском шахтопроходческом тресте. Трудился на добыче руды проходчиком, взрывником, сейчас слесарем. Отдыхать езжу на юг Сибири, почти прямо по меридиану, на Белый Июс, где хорошая охота и рыбалка, хотя и там, как почти везде, природу пора спасать. Мне кажется, что первым на следы стоянок древних людей обратил внимание учитель истории Кириллов Федор Иванович. Будучи в отпуске еще в 1970 году, я видел у него приличную коллекцию древностей. Водил он меня и в пещеру древних людей. Она находится в 8 километрах от села Ефремкино, где он работал, и в километре от поселка Малая Сыя, где сейчас производятся раскопки. Он неоднократно писал главному археологу Красноярска, но тот, ссылаясь на занятость, так и не приехал. Кириллов умер, и я, будучи в отпуске в 1980 году, узнал, что в школе собираются создать музей его имени».

«Кириллова Ф. И. я знал с 1959 года, когда приехал после института работать в Ширинский район, – пишет мне работник Красноярского обкома КПСС П. В. Тясто, бывший ди-

ректор Ефремкинской школы. – В 1960 году он отказался от должности директора, написав в районе, что он стареет и начинаются «биологические замедления». В том же году он показал мне свою небольшую витринку, где лежали крестики и медаль старинная, костяные и бронзовые наконечники от стрел, бронзовый кинжал, обломки сталактитов и сталагмитов, рисунок скифского котла с ручками – сам котел был передан в музей Хакасии. Много несли ему ребятишки, в том числе и из пахотного слоя картофельных полей. Так были найдены глиняные трубки, с одной стороны обожженные. Долго не могли понять их назначение, но когда попала такая трубка с куском шлака, мы догадались, что это сопла древних домниц. Старые хакасы вспоминали, что давным-давно в окрестностях Ефремкина встречались остатки печей для выплавки металла.

Федор Иванович был организатором экскурсий в пещеры, куда он водил детей и взрослых. Впоследствии слава о тамошних пещерах распространилась далеко. На Малую Сыю стали приезжать туристы, рабочие в отпуск, студенты, спелеологи из Томска, Красноярска и других городов. Ф. И. Кириллов был их постоянным проводником, и в знак благодарности они называли одну из пещер «Кирилловской».

Помню еще, что в районной газете «Знамя коммунизма», написавшей об открытиях на Малой Сые, говорилось, что «учитель Ефремкинской школы Кириллов обращал внимание на остатки золы в слое глины».

Слава краеведам!

А в трудах Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло открывается невообразимая пестрота центрально-азиатских народов, народностей, племенных групп и родов – ученый упоминает не менее *тысячи* этнических названий! Среди них вдруг открылся мне один из самых таинственных и интересных за всю историю человечества – народ ди, или динлины, и я давно ищу любую возможность узнать о нем какие-то новые подробности. Вот хватаю с полки книжного магазина последнюю монографию научных сотрудников Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая «Древние китайцы» – нет ли там чего-нибудь о динлинах или родственных им ди, дили, бома? О ди – целая глава! Забросив все дела, ищу, чтобы приобрести в личное пользование интереснейший памятник древне-азиатской культуры «Шань хай цзин» – «Каталог гор и морей». Эта своеобразная энциклопедия в чрезвычайно усложненной условной мифологической форме концентрирует сведения о религии и этнографии, ботанических и зоологических, геологических и географических знаниях древних китайцев. Книга запечатлела уровень китайского мироведения на IV–I вв. до нашей эры, а протограф, исходный список, датируется III–IV вв. нашей эры.

И вот она стоит на полке, и я в любой момент могу погрузиться в древние тексты, впервые переведенные на рус-

ский язык, чтоб найти в сложной символической вязи понятий какое-нибудь упоминание о динлинах...

«Ди принадлежали к числу автохтонов (то есть коренных жителей. – *В. Ч.*) Китая, – пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, считавший динлинов и ди одним народом. – Они составили даже ядро того народа, который в 1122 году до Р. Хр. (Рождества Христова. – *В. Ч.*) овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу». Ссылаясь на китайские источники, ученый числит динлинов в долине Хуанхэ еще в третьем тысячелетии до нашей эры. Они отличались высоким ростом, голубыми (зелеными) глазами, белокурыми (рыжими) волосами, и этнологи разных стран пересказали в старое и новое время немало любопытного об этом народе. Динлины строили дома – деревянные срубы, крытые древесной корой, были знакомы с земледелием, которое вели близ своих поселений, но легко снимались с места в поисках рыболовных и охотничьих угодий. Мужчины носили серьгу в ухе, не терпели подчинения и сами не были тиранами ни в кругу своих необычных для остальной Азии моногамных семей, ни по отношению к рабам. Знали рудное, литейное и кузнечное дело, сами изготавливали для себя металлические орудия и оружие, были храбрыми воинами, «имели сердце тигров и волков», но, будучи свободолюбивым, подвижным народом, жили разрозненными мелкими родами, объединяясь в исключительных случаях для борьбы с общими врагами.

Современные ученые, ссылаясь на китайские же источни-

ки, указывают, что с VII века до нашей эры динлины вели наступательные и оборонительные войны, разгромив в 661 году царство Син, на следующий год государство Вэй, в 649 году до н. э. Вэнь и Су, в 634-м напали на Чжэн, и с 20-х годов VII века до нашей эры китайцы различают западных «белых» ди и восточных «красных». «Красные» ди в V веке до нашей эры были разгромлены, а «белые» создали самостоятельное государство, следы существования которого прослеживаются до 318 года нашей эры.

Многочисленные южные китайцы, используя свою организованную мощь и натравливая один динлинский род на другой, продолжали теснить этот большой, сильный, но разобщенный народ из долины Желтой реки. Динлины, пишет Грумм-Гржимайло, «...бросали свою поработленную родину и расходились – одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежития».

Любознательный Читатель. Кем же были динлины, эти длиннорылые, светлокожие, светлоглазые, белокурые или рыжеволосые азиаты?

– Ученые об этом давно спорят. Некоторые считали динлинов родственными древним иранцам, другие – тюркоязычным народом, а один дореволюционный исследователь даже предположил, что они предки славян, да только серьезных доказательств не нашел. Г. Е. Грумм-Гржимайло не сомневался в принадлежности динлинов к европеоидной расе,

что подтверждается данными антропологии. На обширных территориях Китая, где когда-то жили динлины, раскопано множество предметов искусства и быта, выполненных в знаменитом скифском «зверином стиле», в том числе классические археологические триады – наборы оружия, конские сбруи, украшения I тысячелетия до нашей эры, не имеющие ничего общего с типично китайскими предметами того времени. В 1960 году, например, в одном из специальных китайских журналов было сообщение, что в провинции Хэбэй, в частности в Хуайлае, расположенном в пятидесяти километрах от Пекина, среди разнообразных археологических находок «обнаружены изображения барса, свернувшегося в клубок, лошади с подогнутыми ногами и типичного скифского оленя; кинжалы скифского типа; характерные бронзовые котлы на поддоне». И если динлины были действительно индоираноязычными скифами, то можно только поражаться многочисленности и силе этого народа, заселившего в древности всю евразийскую Великую Степь – от Черного моря до Желтого, и оставившего нам замечательные образцы прикладного искусства.

– А как китайские ученые комментируют эти находки?

– Еще в 1954 году тогдашний президент китайской Академии наук Го Можо писал о влиянии «скифского искусства» на древнекитайские бронзовые изделия эпохи Чуныцю («Весна и осень», VIII–V вв. до нашей эры), а «в период Чуныцю-Чжаню («Воюющие царства», V–III вв. до нашей эры)

территория, занятая скифами, расширилась вплоть до северной части Монголии». И далее:

«Население царства Чжуншань было ответвлением «белых ди». Быть может, оно представляло собой этнически смешанную группу, в формировании которой приняли участие скифы?» Новейших комментариев китайских ученых я не знаю... Кстати, лауреат Государственной премии СССР 1952 года по литературе китайская писательница Цзян Бинджи избрала себе почему-то псевдоним Дин Лин. Незадолго до «культурной революции» ее, шестидесятилетнюю, сослали в Северный Китай, куда некогда были вытеснены динлины...

– А куда они потом делись?

Беру в руки «Каталог гор и морей», читаю страницу за страницей. В голове образуется густая каша от сотен имен богов, названий стран, гор, народов, рек, морей, животных, растений и минералов. Местами текст почти нельзя понять, комментаторы то и дело неутешительно сообщают, что локализация географических и этнографических описаний невозможна, и я воображаю, каково было переводчикам, если некоторые тексты памятника давно погибли, другие искажены переписчиками, многие наименования встречаются только в «Каталоге» и их значение утрачено навсегда, а непреодолимые трудности добавляют еще семантическая многозначность древнего иероглифического письма, последующие переосмысления знаков, неизвестная отправ-

ная звукозапись, совершенно не поддающаяся переводу на русский...

Прочитал семнадцать цзюаней – то есть свитков, глав: каталоги гор, степей, внутренних и заморских земель всех сторон света – нет ничего о динлинах! И вот последний, восемнадцатый цзюань;

«Каталог (земель) внутри морей», стоящий особняком в сборнике и представляющий собой итоговое, обобщенное и схематичное космогоническое описание земель. Последние две страницы «Шань хай цзин», Север! Здесь будто бы находится гора Змей, «с нее стекает Змеиная река, поворачивает на восток и впадает в море». Не Амур ли? Комментировать туманный текст невозможно, потому что появляются какие-то «птицы с пятицветным оперением», и «когда они летят, то закрывают все небо». Да уж какой тут любительский комментарий, ежели, например, по поводу абзаца: «В землях Севера прикован разбойник с копьем в руках. (Он) – помощник Чанбэя. Имя его Труп Сянгу», – комментаторы-специалисты пишут: «Имена, упомянутые во фрагменте, известны только по данной записи. Имеющийся здесь намек на миф не раскрыт».

Но вот, наконец, и фрагмент, который я искал! «Есть царство Динлин. У людей в нем ниже колен растет шерсть, (у них) лошадиные копыта, (они) любят ходить». И я невольно думаю, что «шерсть» – это, быть может, меховые унты, «лошадиные копыта» – стада коней, позволяющие «любителям

ходить» быстро перекачевывать с места на место?

Комментаторы этого памятника III в. нашей эры поясняют, что согласно Н. Я. Бичурину, замечательному востоковеду прошлого века, динлины – племена, обитавшие на землях от Енисея до Байкала, а Г. Е. Грумм-Гржимайло, ссылаясь на множество исследований, утверждал, что динлины растворились также почти во всех соседних племенах и народах. Некоторая их часть еще до начала нашего летосчисления была ассимилирована хунну, другая, смешавшись с тюрками, образовала средневековых уйгур и киргизов – оба эти народа в отличие от древних китайцев и тюрок носили в ушах, как динлины, серьги; уйгуры в старину звали себя «дин-ли», а среди киргизов, как это нам сегодня ни покажется странным, «в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза настолько преобладали, что черные волосы считались нехорошим признаком», в людях же с карими глазами единоплеменники усматривали потомков китайцев.

Видно, на самом деле динлины были многочисленным, подвижным, терпимым и уживчивым народом, если их расовые признаки ученые в разные времена фиксировали у киданей, самостоятельного народа, жившего между монголами и китайцами, у других народностей Тибета и Гималаев, у северокорейцев и курильских айнов. Русские, впервые увидев кипчаков в XI веке, называли их половцами из-за светлого, соломенно-желтого «полового» цвета волос, а среди мань-

чжуров даже в XVIII веке нередко встречались «субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой». Самоназвание енисейских кетов – «ди», что на их необыкновенном языке означает «люди», а в XIV веке арабский историк Эломари (Аль-Умари) со слов путешественников, посетивших Южную Сибирь, написал: «В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в течение 6 месяцев. Несмотря, однако, на их стесненную жизнь, нет между разными родами... людей красивее их телом и белее цветом своей кожи. Фигуры их – совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести. Глаза у них голубые».

Любознательный Читатель. Удивительно! Но неужели динлины, как могикиане, исчезли совсем с лика земли?

– Меня, помню, поразило сообщение столетней давности одного моего земляка, о котором хорошо бы сказать несколько попутных слов здесь, а то дальше сделать это будет, пожалуй, нелегко, и прошу читателя простить меня за очередное отступление; так уж у нас получается, по расхожему выражению, всю дорогу, а наша дорога в прошлое – очень дальняя, и по ней не пройти, как по струнке...

Имя его многим ничего не говорит сегодня, в чем я убедился, опросив десятка полтора столичных студентов, учителей, писателей, инженеров, ежедневно потребляющих по моде нашего времени уйму радиотелевизионно-телефонно-га-

зетно-журнально-книжной информации. Вы можете спросить меня в этом месте нашего путешествия, почему мы должны знать о каком-то сибиряке, носившем сто лет назад ничем не примечательное имя Николай Ядринцев, и вообще: зачем в наш век информационной лавины и всеобщей занятости перегружать память сведениями, не дающими непосредственной пользы? За такой возможный вопрос я не склонен винить даже сибиряков, русских и не русских, одинаково обязанных все же помнить Николая Ядринцева! Что ж, перегруженный знаниями читатель, если ему попали на глаза эти строки, пусть пропустит несколько следующих страничек, сэкономит время и оставит в своей памяти свободное место для другой информации...

Давным-давно ушло из жизни поколение, знавшее Николая Ядринцева в лицо, но если бы мы, подытожив их воспоминания, захотели одним словом означить его внутреннюю сущность, то самым точным было бы, пожалуй, – *это вдохновение*. Он не был, однако, поэтом или революционным трибуном, хотя в душе его жил поэт, а в его делах революционер. Воспитанный на светлых идеях шестидесятников, он в общественно-политических условиях второй половины прошлого века нашел свою стезю служения народу и родине. Беззаветно любил Сибирь, вслед за декабристами мечтал о развитии ее производительных сил, считая, что оно невозможно без создания в этом обширном и богатом крае собственного центра образования и просвещения.

Ему был двадцать один год, когда он, вернувшись в родной Омск из Петербурга, где в качестве вольнослушателя прошел университетский курс, прочел свою знаменитую лекцию, напечатанную вскоре в Томске, призвав сибиряков построить университет на собственные средства, если казна в них отказывает. Вскоре он был арестован. Три года содержался в омской тюрьме, а потом был на шесть лет сослан в Архангельскую губернию – «Сибирь» для неугодных властям сибиряков. За что же? Вместе со своими единомышленниками-земляками он, убедившись, что царские власти отказывают в действенном внимании его родине, пришел к сомнительной идее сибирского сепаратизма. А сразу же по возвращении из ссылки составляет доклад царю, где вновь доказывает необходимость открытия университета в Сибири. Он писал, в частности, что большинство молодых сибиряков, получив образование в европейской России, там и находят приложение своим знаниям, в то время как «Сибирь не менее, если не более, нуждается в полезных деятелях, без которых ее производственные средства, связанные с естественными богатствами, остаются неиспользованными».

И снова публичные лекции, организационная работа по объединению всех энтузиастов, сбор пожертвований, снова статьи, в которых Ядринцева сообщал, что сибиряки уже собрали для университета полмиллиона рублей. Так и не пробив петербургских каменных стен чиновничьего равнодушия, с горечью написал: «Может быть, нам не удастся до-

жить до основания великого образовательного учреждения на Востоке. Пусть глаза наши будут засыпаны песком, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвиняют все поколение, что оно не имело возвышенных стремлений. Родина вспоминает всех, кто ратовал за ее просвещение и идею науки на Востоке...»

Первый сибирский университет был открыт лишь спустя двадцать пять лет после знаменитой омской лекции Николая Ядринцева.

Много лет Николай Ядринцев ездит по родному краю, до тошно изучает его природные богатства и экономику, быт и нравы земляков, освещая в печати самые темные сибирские уголки. Страстные публицистические работы Ядринцева печатаются в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Неделе», «Мире Божьем», в сибирской прессе и специальных научных сборниках. На полках читателей появляются его книги-исследования: «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирские инородцы, их быт и современное положение», фундаментальный труд «Сибирь как колония». Подвижнический образ жизни и бескорыстное служение общественным интересам сделали его любимцем прогрессивной сибирской интеллигенции; современники рассказывали, что Николай Ядринцев вообще не был в состоянии поддерживать разговор, если он не касался гражданских тем! И мы, особенно сибиряки, обязаны знать о просветительской и общественной деятельности этого чело-

века в условиях политической реакции, думать иногда о глубоких, столетней давности, истоках его патриотизма и благородном нравственном облике вовсе не для того, чтобы обременить свою память как бы малозанимательной информацией о прошлом, а в назидание, поучение и пример...

Не сказал я до сих пор об одном необыкновенном деянии Николая Ядринцева, некоем его открытии, навсегда вписавшем это имя в историю мировой науки и культуры. Строго говоря, открытий было не одно, а целых три, сделанных в одном путешествии.

...Посреди широкой долины реки Орхон высился покаты́й холм с неровностями по склонам. У его подножия путешественник увидел гигантскую каменную черепаху. Раскопки на холме обнаружили остатки великолепного дворца, некогда построенного руками разноплеменных, в том числе и русских, рабов для Угедея, сына Чингиса. Вокруг располагался знаменитый Каракорум – столица монгольской империи, исчезнувшая вместе с ее развалом.

Николай Ядринцев был внимательным, знающим и уже достаточно опытным археологом и историком, чтоб удовлетвориться одной этой находкой. Он предположил, что в долине Орхона могут найтись следы других, более древних народов и цивилизаций Центральной Азии. И они нашлись! Это были развалины легендарного Хара-Балгасуна – столицы большого и сильного государства уйгуров, разрушенной енисейскими киргизами в середине девятого века нашей

эры.

Остатков более древних городов в долине обнаружить не удалось, но зато нашлись драгоценные свидетельства древне-орхонской истории совсем иного, высшего порядка. Каменные статуи, скальные лбы и могильные плиты, исцербленные таинственными черточками, уголками, кружочками и крючочками, люди издавна замечали в разных районах Центральной Сибири и Средней Азии, но что они означают, кто и когда их рассеял по горным, степным и таежным просторам, оставалось загадкой. Удивительные совпадения, однако редчайшие, ключевые находки случаются иногда в строгом мире науки! Вы помните, сколько веков молчали египетские иероглифы, пока французский ученый Шампольон не нашел параллельного греческого текста? Точно так же посчастливилось Николаю Ядринцеву – в долине Орхона он нашел древний текст, высеченный этими загадочными письменами и одновременно китайскими иероглифами, а вскоре датский ученый Томсен и русский академик Радлов прочли первые надписи. Орхоно-енисейские письма до сего дня рассказывают нам о древних тюрках, рассеянных от Семиречья до Якутии, создавших в долине Орхона сильное государственное образование, завоеванное в VIII веке уйгурами...

Динлины, хунну, «голубые тюрки», уйгуры, киргизы, кидани, тангуты, монголо-татары и калейдоскоп других народов, народностей и племен – эта пестрота почему-то манит меня, временами я жалею, что не стал историком и этногра-

фом, чтоб разобраться в ней и проследить, например, генетические истоки так называемых кумандинцев, встреченных однажды Николаем Ядринцевым в верховьях реки Томи.

Эта немногочисленная этническая группа издревле обитала в долине приточной Мрас-су, изолированная от остального населения Горной Шории, всего Саяно-Алтайского нагорья, и не знала тесных контактов с русскими, поселившимися здесь в XVII веке, а также со своими ближайшими сородичами, жившими по Бии. Ссылаясь на Ядринцева, Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет, что кумандинцы сумели «... в полной мере сохранить свой первобытный тип, многие даже поражали его своими, как лен, белокурыми волосами и голубыми глазами». А я ведь столько времени когда-то провел в долине Мрас-су, столько хариусов бездумно подергал из этой бурливой красивой реки! Сторожил поклевку и не знал, на что надо смотреть, а как было бы интересно встретить далекого потомка древнейшего народа Азии, поговорить, могло стать, с последним из динлинов!

Нет на земле великих или малых народов, есть многочисленные и малочисленные; они стали такими или этакими в силу различных, не зависящих от них обстоятельств, управление которыми приходит лишь с социальной новизной. Веря в гуманистическое развитие мира, я думаю, что общечеловеческая ценность малочисленных народов будет все время возрастать, потому что каждый из них несет в будущее земли людей драгоценные шифры тысячелетий –

язык, обычаи, навыки своих предков, неповторимый психический склад, наследственные гены; мир становится неполным, обедненным, его гуманистическая сущность ущербленной, совесть запятнанной, если исчезает последний из могилок или пруссов! Мечтаю выбрать время, связаться с учеными да поискать кумандинцев – не может быть, чтоб в Сибири их не осталось. За последние четыреста лет не исчез в ней ни один народ, и большинство моих земляков, потомков многочисленных древних племен, в наши дни приобщились к мировой жизни, мировой культуре и, как показывает статистика последних десятилетий, прибавляют в числе...

* * *

Из достоверных средневековых источников известно, что Чингисхан был человеком высокого роста, длиннобородым, имел «зелено-желтые» глаза. Персидский историк Рашид ад-Дин пишет, что дети в роду его отца, великого хана Есукай-бахатура, «рождались большей частью с серыми глазами и белокурые», а когда у Чингиса родился черноволосый внук Хубилай, он «удивился цвету его волос»...

Г. Е. Грумм-Гржимайло: «Все это делает вероятной монгольскую легенду, вводящую в родословную Чингиса белокурого и голубоглазого юношу, отца Бодуаньчара, предка Чингиса в девятом колене. Самое родовое имя Борджигин, присвоенное потомками Бодуаньчара, означает, по словам

Рашид ад-Дина, «имеющий серые глаза», что свидетельствует о значительной примеси в этом роду к монгольской крови динлинской или даже более того – что род Борджигин был динлинским по происхождению».

Любознательный Читатель. Простите, но нельзя же в самом деле относить Чингисхана и его род к европеоидам!

– Безусловно, нельзя! Динлины – самая восточная ветвь скифских народов – можно считать, за *тысячу* лет до Чингисхана исчезли с исторической арены. Ушел в небытие их язык древнеиранских корней, если он был общим для всех скифов, хозяйственный и семейный уклад, своеобразная культура, проявившаяся в прикладном искусстве, удивляющим археологов и искусствоведов своим совершенством. Монголы времен Чингиса не строили изб, не обрабатывали землю, не умели выплавлять руды и ковать оружия, не носили в ушах серег, были многоженцами. В историю входил совсем другой народ, точнее сказать, еще не народ, а разрозненные кочевые скотоводческие племена, впервые объединившиеся при Чингисе. Что же касается рода «борджигин», кумандинцев или других блондинов Азии, то они могли приобрести свои внешние признаки в результате многовековой этнической изоляции – современная наука не исключает этого интересного явления, установив, что у немногочисленных народностей, долго не смешивающихся с соседями, глаза и волосы осветляются.

Но что же означает само слово «монгол»? Рассматриваю

родословную Чингисхана, составленную по монгольским, китайским и персидским источникам. Собственного имени, от которого можно было бы произвести название этого народа, среди его предков нет. Прадед Чингиса Хабул-хан, как пишет Грумм-Гржимайло, «поднял значение монгольского племени». Выходит, что какое-то центральноазиатское племя с таким именем существовало задолго до рождения Чингиса? В «Истории МНР» (1966) сообщается, что ханство Хабул-хана называлось «Хамаг Монгол». Хан Хутул, далее, вновь уронил значение своего рода и племени, а сын его Алтань даже не удостоился ханского звания. «Поэтому Чингисхан, – комментирует-поясняет Г. Е. Грумм-Гржимайло, – имел полное основание принять для слова «монгол» китайские иероглифы – «получить прежнее», ибо он действительно восстановил прежнее значение монгольского племени, и давать этому факту иное толкование едва ли правильно».

За три года до битвы новгород-северского князя Игоря Святославича с половцами в далекой восточной степи тринадцать тысяч конных воинов, собравшихся из разных родов и племен, выбрали ханом Темучина, вступившего в войну со своим побратимом Чжамухой, к которому примкнуло большинство монголов. «В 1185 году, когда Игорь ходил походом на Кончака, монгольской державы еще не было, – сообщает один современный этнолог. – Большая часть монгольской родовой знати, опираясь на соседние племена, вела борьбу против Чингиса и его орды». Как понять эту фразу с

этнической точки зрения? Очевидно, «монгольской родовой знатью» называется здесь правящая верхушка разрозненных степных племен, что жили тогда к северу от Керулена, за которой шли не только собственно монгольские племена, называемые в некоторых древних источниках «мангуцзы», «мэнгу» или «мын-гули», «мэнва», но какие-то немонгольские «соседние племена». Наверное, большая часть соплеменников была уничтожена ордой Темучина, который, прежде чем стать великим ханом, еще двадцать с лишним лет вел в степи жестокую борьбу за единоличную власть, и ни его родной народ, ни соседи не знали пощады. Когда в 1206 году на берегу Онона Темучин был провозглашен Чингисханом, его войско состояло примерно из ста тысяч человек, в основном, – как сообщает этот этнолог, – *«побежденных кераитов и найманов»*.

Были ли вообще в этой первой Чингисовой армии монголы? Ученый пишет, что «монгольские (разрядка моя. – В. Ч.) ветераны за свои заслуги получили лучшие места и должности», только это неправда. Смотрю «Памятку» Рашид ад-Дина, где перечислено все высшее командование этой армии-орды. Личную тысячу Чингисхана возглавлял тангут Чаган, самой крупной иноплеменной воинской частью в десять тысяч человек руководил Ту-ганваншай из народа тунгусской этнической ветви – джурдже (чжурчжэней), семью тысячами джалаиоров командовали представители этого монголоязычного племени. В списке нойонов-тысячников также

значатся шесть татар, четыре ойрата, меркиты, урянхайцы, онгуты, кара-хитай и так далее. «Сокровенное сказание» куда более точно формулирует чингисхановский принцип, так сказать, подбора руководящих военных кадров: «Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство». Этнолог тоже цитирует эту фразу и уточняет в одном месте, что объединенные таким образом различные степные центральноазиатские племена, носившие вместе с исконно монгольским племенем китайскую кличку «цзюбу», сменили ее в 1206 году «на гордое имя «монгол».

Новые и новые войны увеличивали за счет побежденных его армию, в которую вовлекались воины немонгольских народов, хотя позже почему-то почти всех их без разбору начали числить монголами – татар, меркитов, кераитов, ойратов, найманов, урянхайцев.

Любознательный Читатель. Ну, а на самом деле кто они были по этническому происхождению или хотя бы языкам?

– Спросите что-нибудь полегче... Разве только насчет найманов могу сказать кое-что определенное, и то благодаря одному давнему случаю-совпадению. В 1957 году вышла у нас в последний раз интереснейшая книга «Путешествия в Восточные Страны». Авторы ее – итальянец Джиованни дель Плано Карпини и француз Гильом де Робрук – независимо друг от друга совершили в середине XIII века путешествия в Монголию. К их замечательным запискам мы будем

обращаться не раз и не два, но сейчас я бы хотел вспомнить, как в один присест прочел тогда эту книгу и вскоре выехал на Алтай, где в таежной глуши затерялся Кедроград – комплексное кедровое лесное хозяйство. Москва – Новосибирск – Бийск – Горноалтайск – Майма, все это в современном темпе, самолетами но в Майме застопорилось. Здесь, в районном центре, был маленький аэродром, с которого легкие «Яки» развозили пассажиров по таежным и горным глубинкам. Пошли дожди, да такие, что я застрял на двое суток. Делать было абсолютно нечего, и в разговорах с товарищами по несчастью сама собой возникла тема о местных названиях. Я выспрашивал о том, что значат по-алтайски имена рек Бия и Катунь, горы Бабур-хан, возвышающейся неподалеку, поселка Кара-Кокша, куда я направлялся, и речки Уймени – моего конечного пункта.

– А Майма? Что это значит?

– Река, – отвечал старый алтаец. – Впадает в Катунь справа.

– А что такое «майма»?

– Алтай-кижи ее зовут Найма.

– Как перевести на русский?

– Найман – род у алтай-кижи.

Так и не узнал я и значения слова «найман», однако вспоминал, что Гильом де Робрук не раз вспоминает о найманах, и когда вернулся в Москву, то посмотрел примечания к его запискам:

«Найман (Naiman), одно из монгольских племен».

– Но ведь коренные монголы не жили в алтайских предгорьях!

– Прекрасно! А потом я прочел в «Сокровенном сказании»: «На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоянии полного расстройств». И много позже нашел изложение взгляда на происхождение найманов замечательного русского востоковеда И. Н. Березина, умершего в 1895 году и оставившего много трудов о своих путешествиях по Ближнему Востоку, тюркской филологии, истории нашествий на Русь в XIII веке. «Найманы были искони тюрками, это удостоверяется нынешним тюркским языком этого многочисленного племени; отречение первоначально монгольских найманов было бы не согласно со всем ходом истории Средней Азии. Естественно полагать, что имя найманов происходит от реки Найма, притока Катуня, и что на ней они первоначально обитали. Перейдя прямо на юг в Западную Монголию, найманский род стал здесь, после падения уйгурского орхонского царства, во главе местных родов деле и тюрков-тукю и образовал союз родов или племя найманское. Во время Чингисхана, когда уничтожены были этим завоевателем два найманских ханства, занимавших Монголию от Орхона до Черного Иртыша, большая часть найманов была отброшена на Запад, в земли, на которых частью и ныне обитает, остальные же найманы омонголились».

– Выходит, найманы до Чингиса были большим, самостоятельным и совсем не родственным монголам народом?

– В «Истории МНР» говорится: «В начале XII века местность на запад от Кэрэтских кочевий, в районах между Хиньайским и Алтайским хребтами, была заселена найманами. По данным Рашид ад-Дина, большинство этих кочевников обитало в гористых местах (предгорьях), а остальные – на равнинах. Кочевья найманов доходили до р. Орхона, до тех мест, где впоследствии была основана первая столица Монгольской империи – Каракорум».

– Ну, а кто такие татары?

– Плано Карпини озаглавил свою книгу так: «История Монголов, именуемых татарами». Карл Маркс назвал орду, свыше двух столетий державшую Русь под игом, «монгольскими татарами», и хорошо бы, правда, прояснить, кого в XIII веке называли «татарами».

Собирательное китайское имя «татань», или «та-та», носили в древности многие племена и народы Центральной Азии. Они обитали на юге от Керулена и в других соседних районах, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Современные татары Поволжья, официально принявшие это самоназвание лишь в новое время, не имеют с ними этнического родства. Что же касается древних центрально-азиатских татарских племен, то Чингис, захватывавший новых и новых соседей в круговорот своей воинственной политики, так изложил ее в отношении татар, отравивших ко-

гда-то его отца Есукая:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим...

Об исполнении этого намерения в другом месте «Сокровенного сказания» говорится уже прозой: «Мы сокрушили ненавистных врагов Татар, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси». Современный монгольский историк Ш. Сандаг пишет, что татары были истреблены в несколько приемов. В 1198 году войска Темучина «нанесли им сокрушительный удар». Весной 1202 года он «окончательно разгромил их... Все татарские мужчины, взятые в плен, были перебиты, а женщины и дети розданы по разным племенам. Две татарки – сестры Есуй и Есучан были взяты в жены самым ханом». Некоторая часть татар все же сумела бежать в леса и горы Алтая вместе с меркитами, ойратами и найманами, разбитыми Темучином, который не преминул взять в жены вдову погибшего найманского хана. И вот в «1204 г. Чингисхан разбил последних татар. Он приказал перерезать всех, включая женщин и детей» («Та-

таро-монголы в Азии и Европе». Сборник статей Института востоковедения АН СССР. М., 1977).

Читаю один исторический труд за другим, но нигде не могу найти ответа на одну из загадок средневековья: почему все же степные орды, ринувшиеся в XIII веке во все концы света, были названы «татарами»? Может, потому, что татар, служивших монгольской верхушке, ставили в передовые отряды войска, на убой, и с годами условное имя разноплеменных и разноязычных народов стало нарицательным, своего рода псевдонимом не только авангарда, но и всей захватнической орды? Современный монгольский историк Ч. Далай пишет, что этноним «татар», за которым скрывался смысл «дикий», «грубый», «широко распространенный в китайском народе в эпоху Юань, обозначал не кочевников из татарских родов, а всех монголов».

Сподвижники Чингисхана из сородичей-монголов один за другим умирали от ран, болезней и возраста, а многие уходили на, так сказать, заслуженную пенсию, увеличивая приток в войско и к его руководству немонгольского элемента. Чингисхан умер в 1227 году, когда ему было за семьдесят, и, возможно, никого из первых его монгольских партнеров уже не оставалось в живых, а их потомство рождалось от многочисленных разноплеменных жен и наложниц, как и у покойного великого хана, сына меркитки. Первенец его Джучи, рожденный от кунгиратки по имени Бортэ, имел около сорока сыновей от наложниц и жен. Одна была кераиткой, три

– из того же «татаро-монгольского» рода кунгират (хонкират, кунрат, конрат, конграт), который этнологи числят тюркоязычным рядом с татарами и монголами в XV столетии, отличая его от тех и других даже вплоть до XIX века, а сыновья Орды, старшего сына Джучи, брали жен, кажется, из всех покоренных народов, в частности, согласно подробному реестру Рашид ад-Дина, из меркитов, кераитов, татар, кипчаков, ойратов, найманов. Примеру владык, очевидно, следовали их подчиненные.

Неясный разноплеменный состав грозного скопища степняков, неожиданно появившегося из глубин Земли Незнаемой, русские летописцы отметили в первых же своих записях, переложенных В. Н. Татищевым в несколько емких фраз: «Того же года приидоша языцы незнаеми, безбожнии агаряне, их же никто добре весть, кто суть, откуда изыдоша, и что язык их, коего племяни и что вера их. Зовутся бо татаре, кланяются солнцу, и луне и огню. Нецы зовутся таурмени, ини зовутся кумане, инии монги. А инии сказуют, яко мнози племены и народы от скиф восточных, совокупившиися и други покоривше, заедино зовутся». Знаменитый же государственный деятель, историк, врач, богослов и полиглот азиатского средневековья Рашид ад-Дин, служивший персидским чингизидам и хорошо знавший тему, писал еще шестьсот лет назад с предельной ясностью: «Многие роды поставляли величие и достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны под их именем, подобно тому, как найманы, джалау-

ры, онгуты, кераиты и другие племена, которые имели каждый свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было». Выходит, в первом походе Батя участвовало совсем ничтожное число тех, кого можно было назвать истинно монголами, если, по средневековым источникам и неоспоримым данным старой и новой исторической науки, Чингис еще при жизни своей отрядил улусу Джучи (Орды, Бату) всего четыре тысячи единоплеменников с семьями? И нашествия на Русь в XIII веке собственно *монголов* или собственно *татар* не было, и наши предки скрестили мечи с разноплеменным войском, подробный этнический состав коего никто и никогда в точности не установит?

Любознательный Читатель. Это разношерстное полчище степных завоевателей не знало поражений. Что же его объединяло?

– Орды Чингиса и его потомков, состоявшие из разноязычных воинов, помнившие всяк свои предания и мифы, молившиеся очень разным идолам и богам, были сцементированы простой и жесткой воинской организацией, животным страхом перед своими десятниками, сотниками и тысячниками, железной дисциплиной, поддерживаемой беспощадными наказаниями. За одного воина собственными жизнями отвечал весь десяток, за десяток рассчитывалась сотня. Невыполнение приказа или трусость в бою были преступ-

лениями неслыханными, практически невозможными, и рядовые воины не могли такого даже во сне увидеть, потому что высшую цену им приходилось платить за куда более мелкие проступки. Если ты, неся охрану, оставил пост, а в бою из-за нежелания рисковать, легкого ранения, по неопытности-нерасторопности или какой другой причине вдруг не захотел, не сумел либо не успел помочь соседу, то после сражения тебя поставят перед твоим десятком, и к тебе медленно приблизится тот, кто через минуту займет в нем освобождающееся место, а ты останешься лежать на этой чужой земле с вырванным сердцем, как остался тот юный тангут, онгут, меркит, уйгур, найман или кипчак, кого таким способом умертвил после одной из битв ты, заменив его до поры до времени в этом храбром десятке псов великого хана, «покорителя вселенной». Если два воина поссорились между собой, вспомнив старую родовую вражду или заспорив по пустякам, повздорили из-за добычи или любых иных причин, которые никто разбирать не будет, – оба предстанут перед своей сотней, им накинута на ноги волосяные арканы, захлестнут грудь и, неспешно подтягивая, сломают позвоночники. В организации войска не было предусмотрено только одного – снабжения, и каждый воин должен был сам заботиться о прокорме себя и своего коня. И у него в походе не оставалось иного выбора – либо погибай от голода вместе с конем, либо грабь.

Культ жестокости и страха царил в империи, созданной

Чингисханом. Смертная казнь и в гражданской жизни была главным средством наказания. Ею каралось не только убийство, кража, скупка краденого, грабеж, сокрытие беглого раба, чародейство, превышение власти. Ломали спину или вырывали сердце у тех, кто подавится пищей, наступит на пороги ханской юрты или помочится в его ставке, искупается или постирает одежду в реке, кто умертвит скотину не по «правилу», согласно которому надлежало в разверстую грудную клетку барана или жеребенка ввести руку, нащупать сердце и сдавливать его до тех пор, пока животное не умрет.

Смерть ждала даже того, кто допустит, как пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, «не вполне точное изложение мыслей Чингисхана в проекте письма»... Все это исходило, кстати, не из обычаев, правовых норм или морали народа, породившего Темучина, а из свода правил – ясы, авторство которой приписывается Чингисхану, хотя неизвестно, был ли этот свод законов зафиксирован на бумаге – сам-то Чингис ни читать, ни писать не умел.

Любознательный Читатель. И был тем не менее выдающимся полководцем средневековой Азии.

– Он был создателем империи насилия, циничнейшим политиканом, умеющим загребать жар чужими руками, и, как неизбежное следствие, – человеком без морали, вся жизнь которого была наполнена убийствами и предательствами, клятвопреступлениями и бесчисленными нарушениями своей собственной ясы. Эти качества выходили за рамки морали

даже того жестокого века, если автор монгольского «Сокровенного сказания», написанного в 1240 году в сердце империи, на Керулуне, счел нужным отметить его подлость, злобность, мстительность, трусость.

– Чингис был трусом?!

– Иногда храбрецом, иногда трусом. Отец тринадцатилетнего Темучина говорит будущему тестю: «Страсть боится собак мой малыш». Но вот он уже взрослый, женатый человек солидной комплекции. При набеге соседних кочевников он бросает на произвол судьбы не только единоплеменников, вступивших в сражение, но и молодую жену, ставшую добычей врагов, и скрывается в горнолесные дебри, где он сам говорит о себе так: «Я, в бегстве ища спасения своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне... взобрался на гору Бурхан. Бурхан-халдуном изbleвана жизнь моя, подобная жизни вши. Жалея одну лишь жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, городя шалаши из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена, как щитом, жизнь моя, подобная жизни ласточки. Великий ужас я испытал».

– Но это литературное произведение...

– В «Сокровенном сказании» приводится множество фактов, которые не оспаривает история. Еще в детстве Темучин по пустяшному поводу и подло, в спину, убивает своего брата, и родная мать сравнивает его с демоном. Потом вероломно расправляется со степным богатырем-соперником

Бури-Боно, казнит своего побратима Чжамуху. Есть в монгольском жизнеописании Чингиса совершенно отвратительные подробности, ярко, однако, характеризующие его как человека. В одном из сражений со своими единоплеменниками тайчжуитами он получил ранение в шейную артерию, очевидно, отравленной стрелой, и его подручный по разбою Чжельме долго «отсасывал запекавшуюся кровь». Потом Чжельме пошел на страшный риск, чтобы добыть из вражеского стана молока или кумыса. Очнувшись, раненый «обратил внимание на грязную мокроту» – Чжельме отхаркивал отсосанную кровь во все стороны. «Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?» – брюзгливо спросил Темучин своего спасителя. И вот как он потом расправился с тайджиуитами, ведущими свое происхождение от легендарной прародительницы всех собственно монголов Алан-Гоа: «перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчжудцев, вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха»... Некоторые исследователи предполагают, что на черной совести Чингисхана и тайное убийство старшего сына Джучи, отца Батыя, о чем он распорядился за несколько месяцев до смерти, чтобы оставить империю более сильному наследнику. Чингисхан хорошо умел, как говорится, подбирать кадры, выдвигая способных военачальников и поручая им всю грязную работу по грабежу и уничтожению народов и государств. Для дости-

жения этих целей, а также для поддержания порядка в своей империи он проявлял последовательность и действительно необыкновенную волю. И очень трудно различить, какие злодеяния Чингиса мотивируются его целями, а какие – особенностями характера этой личности.

Любознательный Читатель. Но ведь законы истории объективны и действуют независимо от характера и воли отдельных лиц.

– История складывается из действий людей, которые в определенных обстоятельствах руководствуются экономическими, политическими, социальными, религиозными и иными стимулами и мотивами, связанными с назревшими переменами в общественном бытии. Разложение родоплеменного строя в монгольских степях и образование феодального государства было исторически неизбежным. Секретарь МНРП товарищ Б. Лхамсурен говорил в своем докладе, прочитанном в 1963 году, что «деятельность Чингисхана в первый период его правления соответствовала объективно-историческому процессу объединения монгольских племен, образованию единого монгольского государства... Но в дальнейшем, когда Чингисхан перешел на путь завоеваний и грабежа чужих стран и народов, его деятельность приобрела реакционный характер». Конечно, нравственные качества ведущего деятеля относительно хода событий могут быть случайными, хотя, как правило, они в той или иной степени отражают мораль среды, их породившей, когда цели

ее идут вразрез с историей, если иметь в виду гуманистическое развитие человечества. Не монголо-татарские племенные объединения, а этнически разнородные степные воины, поссорившиеся со своими родами и объединившиеся вокруг молодого Темучина, дали ему своеобразную клятву-присягу, хорошо выражающую цели раннефеодальной степной военицины, идущей на смену разлагавшимся родовым сообществам: «Когда Темучин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жен, юрты, рабов и лучших лошадей. При облаве выделять тебе половину добычи. Если мы нарушим в дни войны твой устав, разбросай наши черные головы по земле...»

В соответствии с реакционными целями и характером хана-императора складывалась позже в государстве Чингиса этика, учреждались жестокие законы и обычаи военной и гражданской жизни, которые ни в коем случае нельзя соотносить с психическим складом монгольского народа тех или иных времен. Средневековые путешественники, посещавшие метрополию чингизидов, в числе других черт, присущих монгольскому населению, отмечали широкое и доброе гостеприимство, свободолобие, лад и взаимное уважение, царящие в семьях, дисциплинированность и обязательность. А вот такая характеристика дана в «Сокровенном сказании» полководцам – знаменитым «четырем псам» Чингиса, выступавшим в поход против найманов:

Лбы их – из бронзы,
А рыла – стальные долота,
Шило – язык их,
А сердце железное.
Плетью им служат мечи.
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское – походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустили их. Разве на радость?
Долго на привязи ждали они!
Да, то они, подбегая, глотают слюну.
Спросишь, как имя тем псам четверем?
Первая пара – Чжебе с Хубилаем,
Пара вторая – Чжельме с Субетам.

Сделаем необходимую скидку на литературную гиперболизацию и познакомимся с более достоверным и очень характерным жизненным кредо самого Чингиса. Собрав незадолго до смерти своих полководцев и наследников, он спросил их, в чем заключается высшая радость и наслаждение мужчины. Все без исключения ответили: в соколиной охоте. «Тогда Чингисхан, – пишет Рашид ад-Дин, – соизволил сказать: «Вы не хорошо сказали! Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет, заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, в том, чтобы сесть на его хо-

рошего хода с гладкими крупами мерингов, в том, чтобы превратить животы его прекраснотликих супруг в нолное платье для сна и подстилку, смотреть на их разноцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!»

Заканчивает свою летопись Рашид ад-Дин восклицанием:
«Да будет мир над людьми мира!»

Любознательный Читатель. Не настало, однако, мира над людьми мира и после смерти Чингиса!

– Да, его дело продолжили сыновья и внуки, подымая волнами один покоренный народ на другой во главе с опытнейшими военачальниками.

– Ну, и сами они были хорошими полководцами.

– Кто, например?

– Батый.

– Доказать это невозможно.

– Но общепринято, что он был выдающимся полководцем.

– Допущение. Действительно, выдающимся полководцем XIII века был совсем другой человек – личность, можно сказать, феноменальная...

– Интересно, кто же?

– Впервые на исторической арене он появляется в год Свиньи, летом 1202 года, в конце которого Чернигово-Северская земля потеряла князя Игоря Святославича. И не за горами был день, когда это имя джагинхира, то есть главнокомандующего, сделается первым и останется таковым в военных реляциях орды на долгие десятилетия. В различных

монгольских, персидских, латинских и русских источниках я насчитал множество вариантов этого имени, однако при любых разночтениях под ними подразумевается один и тот же человек: Субудай, Субеэтай, Субут, Субэдей, Субуэдай, Субэ-тэй, Субудэй, Субугэдай, Субу-бей, Субетай, Субудэ, Субу, Су-бу-тхай, Субутли, Субеетай, Сибедей, Себедяй...

Согласно китайской «Юань-ши» («Истории монголов»), «в год Тельца Чингис устроил железную кибитку для Субудая и отправил его преследовать детей Тохтоа: Худу и других». Год Тельца – это 1205-й, «железная кибитка», скорее всего, прообраз танка, – обитая листовым железом повозка, защищавшая от стрелы, меча, копья, а новые враги – меркиты. Авторы «Сокровенного сказания» образно излагают напутствие-инструкцию Темучина, положившего во что бы то ни стало изловить детей меркитского хана:

Пусть в поднебесье высоко летят,
Ты обернись тогда соколом ясным,
С неба на них, Субетай, ты ударь.
Пусть обернутся они тарбаганами,
В землю глубоко когтями зароятся —
Ты обернись тут острой пешней,
Выбей из нор их и мне их добудь.
В море ль уйдут они рыбой проворной,
Сетью ты сделайся, неводом стань,
Частою мрежей слови их, достань.

Субудай выполнил задание, и меркиты, жившие на север от Монголии, на территории нынешнего Забайкалья, стали очередной жертвой экспансии и уже привычного способа обращения с любым «покоренным народом – правящая верхушка уничтожалась, трудовое население облагалось данью, а боеспособные мужчины вовлекались по принуждению или карьеристским посулам в армию врага. После этой Победы она состояла уже, повторю, из ста тысяч сабель – сила, которую можно было бросить на любого, даже самого могущественного противника. И он здравствовал по соседству, и его судьба оказалась косвенно связанной с судьбами средневековой Руси.

Чжурчжэни... Специалистам по истории Дальнего Востока об этом народе известно так много, что они выпускают большие труды, посвященные его государственному становлению, быту, экономике, культуре, гражданской истории, завоевательным походам, оборонительным войнам и трагическому концу, однако я давно заметил, что такие специальные сочинения не доходят до широкого читателя, которого я избрал спутником в настоящем путешествии по минувшим векам. Дело в том, что подобные труды выпускаются очень маленькими тиражами, написаны слишком специально, научным слогом, рецензий на них в массовой печати нет, а давно бы пора выпускать сводный бюллетень аннотаций, хотя бы кратко излагающий самые интересные новинки философии, археологии, филологии, истории, социологии...

Любознательный Читатель. Мне тоже, знаете, ничего не довелось встретить об этих... как вы сказали?

– Чжурчжэнях. Это был многочисленный и сильный народ, значительно опередивший в своем развитии жителей центрально-азиатских степей, – разложение родового строя и становление военно-феодальной государственности началось у них намного раньше.

– Когда же они появились на большой исторической сцене?

– В год смерти Владимира Мономаха. Мгновенно покорили соседних киданей и в том же 1125 году бросили шестидесятитысячное войско в Северный Китай, осадив его столицу Кайфын, которая через год пала. Сотни тысяч чжурчжэньских семей переселились на юг, и к концу XII века государство чжурчжэней занимало огромную площадь, охватывающую бассейн Амура, Приморье, всю территорию Китая севернее Хуанхэ, Маньчжурию и Восточную Монголию. Чжурчжэни развили крепкую экономику – продуктивное сельское хозяйство, ремесла, торговлю, промышленность.

– В начале этого тысячелетия – промышленность?

– Судите сами. В одном из средневековых центров черной металлургии близ нынешнего Харбина обнаружено около пятидесяти шахт и плавильен, где было, по современным подсчетам, добыто и переработано четыреста – пятьсот тысяч тонн железной руды! Близ села Сергеевки Партизанского района Приморского края советские археологи раскопа-

ли чжурчжэньскую литейно-кузнечную мастерскую, состоящую из восьми плавильных печей с изложницами, формовочные ямы, кричные и кузнечные горны, запасы каменного и древесного угля. Чжурчжэни умели получать и обрабатывать чугун, железо, высококачественную сталь, и эта важная отрасль была государственной монополией. Выплавляли они также медь, серебро, олово, свинец, делали бронзу, знали ртуть, имели службу геологической разведки – в официальной истории государства пишется, что правительство в 1176 году «посылало людей по губерниям разыскивать медные копи и жилы». Как свидетельствуют документы и раскопки, чжурчжэни умели обрабатывать на изобретенном ими абразивном круге яшму и нефрит, делать керамику и фарфор, льняные и шелковые ткани, добывать из моря жемчуг и крабов, из рек – рыбу, в лесах – пушнину, кедровый орех и лекарственные растения, включая женьшень – драгоценный корень чжурчжэньской медицины; выращивали рис, чумизу, пшеницу, гаолян, ячмень, просо, коноплю, хлопчатник, разнообразные фрукты и овощи. В восьмидесятих годах XII века в стране было около четырехсот тысяч воловьих упряжек и почти полмиллиона лошадей. Государство набирало мощь, богатело, развивалось, и в нем были и обсерватории, и книгопечатни, и больницы.

Любознательный Читатель. Чжурчжэни, должно быть, многим были обязаны соседству древней китайской цивилизации?

– Конечно, только их страна носила характер полной самостоятельности – государственной, хозяйственной, национальной, культурной. Другим было территориальное деление, функции чиновничества, военное устройство, законы, денежная система, государственный язык. У чжурчжэней провозглашалось равенство населения перед законом, предусматривалась обязательная военная служба, земля находилась в государственной собственности и раздавалась в пользование с уплатой налогов и податей, образование было обязательным для будущих служащих. В специальных школах изучались чжурчжэньский язык, который был официально-государственным, письменность, история, философия. Число бесплатно обучаемых переводчиков и преподавателей доходило до трех тысяч человек в год.

– Но письменность-то у них была китайской?

– Да нет, еще до завоевания Северного Китая чжурчжэни создали свою письменность, на которой были опубликованы сотни научных трудов по истории, этногеографии, филологии, медицине, астрономии, каталоги древностей, календари. Выходили сборники стихов и пьес чжурчжэньских авторов на своем языке, сочинялась оригинальная музыка, культивировались народные песни и танцы, сформировался национальный архитектурный стиль... «Чжурчжэньская культура оказала весьма заметное влияние на Китай, даже на его южные районы» (Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с.

395). Чжурчжэни создали в средневековье единственное в истории всех тунгусских народов сильное самостоятельное государство, вошедшее в летописи мира.

– Но нам со школьной скамьи известны только древние, подчас очень маленькие государства Юга и Запада...

– А я не исключаю, что даже во времена русского средневековья образованные и осведомленные люди могли кое-что слышать о сильных народах и государствах на далеком Востоке. Не одну сотню лет до этого славяне сносились с восточными народами. Жители Великой Степи, часть которой в XII веке входила в империю чжурчжэней, довольно оперативно обменивались информацией. Чингис в начале XIII века уже знал, кто такие «орусы». Восточные купцы с незапамятных времен торговали с Русью, а русские были завсегдатаями в Царьграде. Особо прочные торговые контакты с Византией сложились у северян-черниговцев, связывающих дальний север через главный свой торговый центр Любеч на Днепре с дальним югом через Северскую землю Тмутаракань на Черном море. Любеч и Чернигов упоминались в договорах с греками, именно в черниговской Черной могиле были найдены золотые византийские монеты времен императора Василия I, занимавшего царьградский престол в конце X века. Русские купцы покупали золото, серебро, предметы роскоши, дорогие ткани. А русские меха издревле шли на юг, в том числе и в Багдад.

– Есть такие данные?

– Арабский писатель Ибн-Хордодбе сообщает, что русские купцы «ходят на кораблях по реке Славонии, проходят по заливу столицы Хазарии, где владетель ее берет с них десятину. Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад». То есть во времена Хазарского каганата, задолго до расцвета чжурчжэньского государства, русские бывали на далеких азиатских торжищах, собиравших слухи со всей Азии. Расстояния не были препятствием и для миссионеров – не надо забывать, что ко времени, о котором идет речь, христианству на Руси минуло уже два века. Во все времена были искатели счастья и приключений, беглые преступники, авантюристы, люди, с легкостью менявшие подданство, умевшие приспособиться к любой обстановке и любому народу, мятущиеся натуры или вечные горемыки; необычные судьбы всегда могли бросить человека из одного конца континента в другой.

– Это, конечно, так, но знали ли на Руси о Дальнем Востоке – точных свидетельств, материальных или письменных, видимо, не существует?

– Далеко не все письменные источники русского средневековья сохранились, но факт, что наши образованные предки хорошо знали греков и их культуру. Кое-что слышал о Центральной Азии и ее народах еще Геродот, отразивший подлинные сведения, переработанные разными народами в мифы и легенды. И мы пока слабо представляем себе подлинную картину жизни древнеевразийских народов, только

археологи нет-нет да раскопают в земле предмет, связывающий огромные расстояния и времена. На Урале найдены изделия византийской работы IV века нашей эры и среднеазиатские – III, а Украина, Поволжье и лесная зона России издавна пополняют музеи медными украшениями II тысячелетия до нашей эры, точный химический анализ которых показывает, что сделаны они из меди, добытой на древних уральских копях! За полторы тысячи лет до «Слова о полку Игореве» народ, живший тогда в центре Горного Алтая, имел умопомрачительные по расстояниям международные связи. В ледяной среде Пазырыкских курганов найдены бесценные вещи – я имею в виду не изумительную по художественному совершенству деревянную резьбу, украшающую ныне коллекции Эрмитажа, а другие находки – древнейший в мире ковер и прочие ткани, сюжетная вышивка которых идентична барельефам Персеполя. Часть изделий, датированных V веком до нашей эры, могла попасть на Алтай только из Передней и Малой Азии! Несомненно, что оттуда же были доставлены семена кориандра, принадлежность которых местной флоре строгая наука отрицает категорически. Обнаружены также тончайшие и плотнейшие – в квадратном сантиметре полсотни на полсотни основных и уточных нитей – китайские ткани. Они могли попасть в скифские могильники лишь одновременно с другими вещами, так что тканые находки, чудом сохранившиеся в подземных ледяных холодильниках Горного Алтая, – это древнейшие китайские по-

лотняные и шелковые ткани из найденных где бы то ни было до сих пор! Кстати, китайские или чжурчжэньские изделия в виде шелковых обрывков обнаружены при археологических раскопках, например, в Старой Рязани и других районах земли вятичей, а в «Слове о полку Игореве» названа страна или народ, означенный словом «хинова».

Любознательный Читатель. Трижды, если считать словообразовательные варианты. Это общеизвестно.

– Да, и в очень интересной последовательности, сложном, умном, я бы даже сказал, изысканном словесном антураже, в глубочайших стилистических и смысловых оттенках! Впервые это слово встречается ближе к середине поэмы, там, где говорится об окончательном, к исходу третьего дня, поражении северских князей в битве на реке Каяле.

– Слова киевских бояр, обращенные к Святославу?

– Для меня это очень спорный вопрос. Протограф «Слова» по имел знаков препинания и разбивки на абзацы. Первые две фразы действительно вложены автором в уста бояр: «Уже, князь, горе ум полонило; это ведь два сокола слетели с отчего престола золотого добыть города Тматороканя либо испить шлемом из Дона. Уже соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины железные».

– В подлиннике зримее...

– Да. Правда, в первопечатном издании после слов «стола злата» стоит запятая, позже снятая. Но, однако, эти же новые издания, в отличие от первого, почему-то приписывают бо-

грам и последующий большой текст, заключая его в кавычки вместе с предыдущими двумя фразами. Издатели «Слова» в «Библиотеке поэта» в неуверенности отбивают его абзацем, но тоже считают прямой боярской речью, хотя зачем великому князю киевскому Святославу, узнавшему первое краткое известие о сути дела, столь долго слушать, как «два солнца померкли, оба багряные столба погасли, и с ними два молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись и в море погрузились...»? После этого поэтического переосмысления события следует подробнейшая детализация, где изобразительное переплетено с конкретными реалиями, историческими ретроспекциями и перспективами, несомненно, тоже глубоко символическими: «На реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле простерлись половцы, точно выводок гепардов. Уже пал позор на славу; уже ударило насилие на свободу; уже бросился Див на землю. И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают время Боза, лелеют месть за Шарукана».

Явно, что все это авторский, а не боярский комментарий к событию, что подтверждается зачином: «Темно бо бе в 3 день», – подробность битвы, ненужная и, скорее всего, пока неизвестная киевским боярам, но без которой не смог обойтись в этом довольно неподходящем для такого уточнения месте автор, участник битвы. Не оставляет никакого сомнения трагическая заключительная фраза отрывка, полная событийной конкретности и рвущегося из сердца чувства, ко-

торая была бы совершенно противоестественна для киевского боярского хора: «А мы уже, дружина, жадни веселия!»

– Убедительно, однако куда делись из этого отрывка «хинови»?

– В полководье авторских чувств она занимает стрежень. Эта необыкновенно грузоподъемная фраза, символически и пророчески выражающая, быть может, главное историческое последствие поражения князя Игоря на Каяле, не требует для русского слуха особого перевода: «...великое буйство подасть Хинови»...

Во второй раз это слово употребляется в том месте, где автор обращается к западным русским князьям – буй Роману волынскому, позже волынско-галицкому и какому-то Мстиславу – не то пересопицкому, не то городенскому, под харалужными мечами которых в романтически-ретроспективном призыве автора «главы своя под-клониша» Литва, Ятвязи, Деремела, и половцы копья свои повергли, однако на первое место в этом перечислении он поставил обобщенные «многи страны Хинова». И, наконец, Ярославна в своем плаче-заклинании вопрошает ветер-ветрило, зачем он мчит на своих легких крыльях хиновские стрелки на воинов ее лады, князя Игоря... Автор, не присутствовавший, конечно, при воображаемом плаче на путивльском забрале, должен бы очень хорошо знать княгиню Евфросинью и, конечно, был уверен, что ей знакомо это понятие «хинова», ранее употреблявшееся только в авторской речи, уверен в том, что

она может назвать половецкие стрелы обобщенно и многооттеночно «хиновскими». В «Слове» нет ни одного случайного слова!.. И еще интересное место вспомним – первую победу князя Игоря над половцами. Русские воины забрали у половцев их узорочье, аксамиты и паволоки. Узорочье – это наборные украшения из камней, бисера и жемчуга, которые носили на различных деталях одежды. Самым дорогим жемчугом на Руси считался *гурмыжский*, добытый в Гурмыжском, то есть Персидском заливе, бисер тоже шел из арабских стран. Аксамит – плотная, ворсистая, очень дорогая восточная ткань с разводами и узорами, идущая на княжеские и церковные одежды. В 1174 году князю Ростиславу Мстиславичу византийский царь прислал «дары многи, оксамиты и паволоки и вся узорочья разноличныя». А после убийства Андрея Боголюбского верный слуга его Кузьма-киевлянин говорит ключнику Аньбалу:

«Помнишь ли, жидовине, в которых портах пришел баше? Ты ныне в аксамите стоиши, а князь наг лежит»...

– А что такое паволоки?

– Китайский шелк. Ни русские, ни половцы его, понятно, не вырабатывали. На Русь его издревле завозили из Византии, через которую еще во времена Древнего Рима проходил «Великий шелковый путь», и первые договоры с греками запрещали русским купцам закупать паволок более чем на пятьдесят золотников. Шелка-паволоки в зависимости от цветов и сортов назывались на Руси парчой, парфиром, пур-

пуром, багрой или червленицей, а также камкой. Паволоки у князей и богатых людей шли на белье, одежды, одеяла, подушки. Проповедник XII века, обличая барство какого-то богатея, говорил, что тот ходит «в поволоце» и «одр настлан перин поволочитых»; не удержусь, чтоб не привести последующих саркастических слов средневекового публициста о том, как вельможа боролся с бессонницей: «възлежашю же ему и не могущу уснути, друзи ему нозе гладят, инии по ледьям тешат его, инии по плечима чишут»...

– Забавная сценка, однако мы слишком удалились от чжурчжэней.

– Сейчас приблизимся... Кто такие «Хинове»? Несомненно, в средневековой Руси слышали о каком-то далеком восточном народе «хин», «чин», «син». Русь XII века была тесно связана с Византией религией, просвещением и торговлей, искусствами и дипломатией, родственными узами князей и их личными судьбами. Дед князя Игоря знаменитый Олег Святославич целых три года провел на Родосе. Вскоре после этого все полоцкие князья оказались в долгой византийской ссылке. Теснее других, повторяю, связь с Византией была у Северской земли, которой принадлежала посредническая Тмутаракань. «Хины» упоминаются в Космографии Козьмы Индикоплова, позже у Афанасия Никитина под именем «чин» и «чини». Спустя всего сорок лет после смерти Игоря русские князья начали ездить в Монголию, подолгу и не совсем по своей воле задерживаться там. Писал о Китае

итальянец Плано Карпини и – попозже – персидский историк Рашид ад-Дин, называвший Северный Китай «Хитаем», а южный – «Чина».

На многих языках Китай назывался словами «шин», «хин», «чин», а на русском специалист по Китаю именуется сегодня «синологом»... Автор «Слова» мог не ведать всех евразийских исторических подробностей, но, будучи очень знающим и начитанным человеком и чрезвычайно информированным политиком, наверняка слышал из византийских или арабских источников о самых дальних восточных народах, называя их обобщенно «Хинове», хотя вполне можно допустить, что и кипчаки-половцы, кочевавшие от предгорий Центральной Азии до Днестра, далеко на запад занесли Великою Степью весть о могучем государстве, уже много десятилетий существующем там, где восходит солнце... И конечно же автор не успел узнать слов «монгол», «мунгал» или «монг», которые при его жизни еще не явились в центральноазиатских степях. Их не звали даже кипчаки-кумане-половцы, наверное, уже прослышавшие ко времени битвы на Каяле-реке о «великом буйстве» на востоке от своих степей. Возможно также, что какая-то часть дорогих восточных тканей непосредственно попадала к ним из Китая или государства чжурчжэней – для верблюжьих караванов расстояния никогда не были проблемой. А из истории чжурчжэней мы знаем, что шелку, например, в их стране было предостаточно. Еще в 1126 году побежденные ки-

тайцы должны были в числе прочих ценностей поставить чжурчжэням в качестве контрибуции миллион кусков шелка. В 1208 году вместе с золотом, серебром, лошадьми, волами, мулами и книгами значился в новом мирном договоре с южнокитайским государством Сун еще миллион шелковых штук. Да и сами чжурчжэни вырабатывали много излишков этой дорогой ткани разных сортов. В их таможенных книгах сохранились записи о вывозимых товарах – золоте, женьшене, мехах, соли, кедровом орехе, растительных красителях, а также шелке-тафте, просто шелке и шелке-камке, то есть крашеной, узорчатой, с золотистой либо серебристой струей, ткани. Добавлю, что государство чжурчжэней называлось «Цзинь», «Цинь», «Гинь» или «Кинь», что близко-звучно «Хин». Если русские на рубеже XII–XIII веков решительно ничего не знали о дальневосточных народах, то тогда непонятно, откуда попали «Хинове» в «Слово о полку Игореве»! Не значатся же в поэме инки или ацтеки, например, о которых наши предки воистину ничего не могли слышать. Академик Д. С. Лихачев писал в одном из комментариев к «Слову о полку Игореве»: «Слово это означает какие-то неведомые восточные народы, неявные слухи о которых могли доходить до Византии устно и через “ученую” литературу “космографий”» («Слово о полку Игореве». Библиотека поэта, малая серия. Л., 1953, с. 256).

Любознательный Читатель. А когда русские впервые узнали о государстве чжурчжэней что-либо достоверное?

– Еще до середины XIII века. Это были молодые люди, в основном ремесленники, обращенные в рабов и угнанные в далекую Монголию. Среди них, бесспорно, были грамотные и любознательные люди, способные понять, что произошло на той земле. А из наших предков, вошедших в историю, первым услышал о судьбе чжурчжэней рязанский князь Олег Игоревич Красный, раненным взятый в плен в 1237 году и пробывший в Монголии долгих четырнадцать лет. За ним – великий воин, дипломат и политик Александр Невский. Правда, в точности неизвестно, сколько времени он был в Монголии, какие районы посещал, с кем общался, но это его далекое путешествие, закончившееся в 1250 году, заняло около трех лет, и, должно быть, в тех краях он провел не менее года, узнав, конечно, о самом важном в то время дальневосточном событии – падении государства Цзинь.

– Ну а русская историческая наука?

– У первых наших историков Татищева и Ломоносова нет ничего о чжурчжэнях, но в конце XVIII века явился миру один необыкновенный человек, о коем следовало бы нам вспомнить... Когда я впервые попал в Ленинград, то сразу же посетил его могилу в Александро-Невской лавре. На простом скромном обелиске значится: «Иакинфъ Бичуринъ», а вертикальной строкой – китайские иероглифы...

Неизвестно, проявились ли в детстве какие-нибудь способности у чувашского мальчика по имени Никита, но его, восьмилетнего, отвезли из небольшого села Бичурина в Казанскую семинарию, где он, кроме основных наук, освоил французский, латынь и греческий. Фамилия Бичурин, данная ему по названию родного села, вскоре была утрачена при обстоятельствах, окутанных романтической дымкой. Есть один более или менее достоверный источник, о коем мы сейчас будем говорить, где эта история выглядит, на наш сегодняшний взгляд, даже вроде бы слишком романтично, хотя и вся последующая жизнь Никиты Бичурина наполнилась полупегендарными, подчас таинственными подробностями, не проясненными до сего дня.

Семинарист-выпускник и его двоюродный брат Александр Карсунский будто бы полюбили одну казанскую девушку Татьяну Саблукову, предоставив ей выбор и дав взаимный обет – отвергнутый уйдет в монастырь. Счастливец женился, а Никита Бичурин стал черным монахом, отцом Иакинфом. На этом предании настаивала Н. С. Моллер, считавшая себя *внучкой* отца Иакинфа и оставившая о нем интересные воспоминания, опубликованные в «Русской старине» за 1888 год – ежемесячном историческом журнале, который продолжил традиции альманаха «Русская старина»,

основанного, как мы знаем, декабристом-историком Александром Корниловичем.

Отец Иакинф был, очевидно, и в самом деле не рядовым монахом, если, продвигаясь по службе из Казани в Сибирь – через Тобольск, был еще довольно молодым возведен в сан архимандрита и назначен пастырем в Вознесенский монастырь Иркутска. Сохранились кой-какие документы с той поры, в частности, обличительное письмо отца Иакинфа в Петербург о взяточничестве и злодеяниях генерал-губернатора И. Б. Пестеля, сочинившего позже донос на архимандрита о не приличествующем для его сана поведению как в Иркутске, так и в Пекине, куда тридцатилетний отец Иакинф был в 1807 году назначен главой русской духовной миссии. Прямое назначение таких заведений заключалось в религиозном обслуживании единоверцев на чужбине, миссионерской деятельности и выполнении некоторых иных функций в том случае, если родина не была представлена в этой стране посольством или дипломатической миссией.

Он оказался никудышным начальником духовной пекинской миссии – за долгие годы своего руководства привел вверенное ему учреждение в полное расстройство и по возвращении на родину был предан церковному суду. Обвинения выдвигались очень серьезные. Кроме продажи части посольского двора, разбазаривания церковной утвари, отец Иакинф, оказывается, появлялся везде в расхожем китайском одеянии, не посещал церкви и вообще на двенадцать

лет прекратил в ней священнодействия; сверх всего – о страхи-то господни! – он сдал в аренду часть дома, принадлежавшего миссии, где был открыт игорный притон. Объяснение отца Иакинфа, что миссия, о которой во время наполеоновских войн все попросту забыли, в течение шести лет не получала средств на свое содержание, было принято к сведению, однако оправданием не послужило. Суровый приговор Святейшего Синода – лишение отца Иакинфа сана архимандрита и вечное поселение в Соловецком монастыре, «не отлучая его оттуда никуда, при строжайшем за его поведением надзоре», – был, однако, заменен тюремным заключением в островной Валаамский монастырь на Ладого.

Едва ли находилось время у отца Иакинфа в Пекине, чтобы опекать единоверцев, причем глава миссии, как свидетельствуют современники, действительно не считал необходимым отказывать себе в мирских удовольствиях. И едва ли думал он о бессмертии, когда фанатично работал, точно зная, однако, что оно не в молитвах и постах. Прежде всего, отец Иакинф взялся за изучение китайского, маньчжурского и монгольского языков, сосредоточившись главным образом на первом. Нанял учителя-профессионала, много времени проводил на людях, расспрашивал каждого встречного-поперечного о том, как звучат названия разных предметов, раскрывал перед всеми тетрадь для записи иероглифов, накапливая их в своей памяти тысячу за тысячей... Потом все больше времени у него уходило на поиски рукописей,

которые можно было приобрести, на уединенные занятия в пекинских библиотеках и своем кабинете, на изучение обычаев и нравов населения страны и ее столицы. Пекину он отдал целый год, исходив каждую его улочку, а чтобы представить объем переводческой работы над одним лишь историческим сочинением «Тунцзянь ганму», достаточно указать, что рукопись состоит из шестнадцати огромных томов, содержащих 8384 страницы! Если сказать, например, что отец Иакинф составил китайско-русский словарь, то это значит почти ничего не сказать. Кроме основного труда, содержащего двенадцать тысяч условных знаков с множеством выражений, переписанного от руки *четырежды* и составляющего *девять* томов, этот неутомимый труженик оставил для будущих синологов настоящее филологическое сокровище — пять его других словарей хранятся ныне в Москве, три — в Ленинграде, и есть еще четырехтомный перевод словаря маньчжуро-китайского...

Никиту Яковлевича Бичурина, отправившегося 15 мая 1821 года из Пекина в Кяхту, сопровождал верблюжий караван, тяжело нагруженный книгами и рукописями, в этот груз весил *четыреста пудов* — почти семь тонн! Чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел Е. Ф. Тимковский, очень знающий востоковед, выручивший позже Никиту Бичурина из Валаамского заточения, писал: «Смело можно сказать, что за все 8 перемен российской императорской миссии в Пекине, бывших в течение 100 лет,

не вывезено столь великого числа полезных сочинений, как в настоящую девятую перемену оной».

Подробностей о валаамском периоде жизни рядового черного монаха Иакинфа мало, но, судя по всем данным, он занимался тем же, чем занимался до этого, почти два года находясь под домашним арестом в Александро-Невской лавре, в долгом пути из Пекина и тринадцать лет в Китае; он работал, и работал так, как мало кому в жизни довелось. Еще из Александро-Невской лавры Бичурин писал президенту Академии художеств и директору Публичной библиотеки А. Н. Оленину о своем намерении создать труд по истории народов Востока, руководствуясь определенным принципом: «Замечания о древнем состоянии Азии, разбросанные на обширном пространстве истории китайской, имеют тесную между собою связь подобно границам, где одна черта, разделяющая два владения, принадлежит обоим: ибо с означением пределов одного государства открывается местоположение и других, с которыми оно смежно; с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь».

Звездный час отца Иакинфа был впереди. Сижу над его книгами, их гора. «Записки о Монголии» открываются красочным портретом – сосредоточенные глаза на сухощавом лице, висячие негустые усы, бородка клином, шляпа-зонтик, «Портрет благородного китайца в летней одежде» – это псевдоним. На портрете изображен сам Н. Я. Бичурин, написав-

ший в этом большом груде фразу, которая могла бы послужить компасом и любознательному моему читателю: «Происхождение монголов и Дома Монгол суть две вещи совершенно различные». Год издания – 1828-й. В том же году вышло из печати «Описание Тибета». В следующем – «Описание Джунгарии», «Описание Пекина», «Троесловие», «История первых четырех ханов из дома Чингисова». Половину текста «Истории» занимает подробнейшее изложение войны с нючженцами (чжурчжэнями); из этой книги я впервые узнал о государстве Цзинь...

Труды Н. Я. Бичурина отличались академической обстоятельностью, научным тщанием, терминологической отточенностью. Научный авторитет Н. Я. Бичурина рос в полемике с иностранными востоковедами и с теми из русских, кто причислял себя к ним. В отличной книжке, вышедшей к 200-летию со дня рождения Н. Я. Бичурина, П. В. Денисов пишет, что реакционная критика предрекала недолговечность его трудам лишь по той причине, что они были написаны на русском «языке, который еще не имеет прав на известность в ученом свете». О. И. Сенковский, например, он же «барон Брамбеус», «активный противник становления русского востоковедения как самостоятельной научной дисциплины, настаивал на том, чтобы Н. Я. Бичурин следовал по стопам иностранных ученых и писал свои научные труды на европейских языках». Однако Н. Я. Бичурин, свободно владея английским, французским и немецким языками, писал

только по-русски, считая, что «русский язык так богат словами, что без необходимости вовсе не нужно пестрить его иностранными»...

Переводчик министерства иностранных дел Н. Я. Бичурин избирается почетным иностранным членом Парижской академии наук, затем членом-корреспондентом Петербургской и вскоре подает в Синод прошение о снятии с него монашеского сана. Он писал, что ученые занятия и обязанности по службе вынуждают его находиться в «долговременных отлучках от монастыря» и отвлекаться «от упражнений духовных; слабости же, свойственные мне как человеку, поставляют меня в невозможность соблюдать обеты монашества во всей чистоте их».

Синод вроде бы согласился с доводами просителя и в представлении царю положил снять с отца Иакинфа духовное звание, одновременно уволив со службы и запретив проживание в столице. Николай I, однако, отказал и Н. Я. Бичурину и Синоду, только какой уже отец Иакинф был монах? Когда престарелый архимандрит Валаамского монастыря Иннокентий, разрешивший опальному монаху работать, входил в его келью и приглашал к богослужению, тот, по обыкновению, отвечал: «Отец игумен, идите уж лучше один в церковь, я вот более семи лет не имел на себе этого греха». По воспоминаниям современников, отец Иакинф никогда не крестился, любил играть с друзьями в бостон и вист, побаловаться сигарой, а когда в Петербург приехала на гастроли

знаменитая танцовщица Тальони, отец Иакинф, чтобы увидеть ее, переоделся, загримировался под купчика и проник в театр.

Среди друзей и знакомых отца Иакинфа были многие из тех, кого мы встречали или встретим во время нашего путешествия по минувшему...

Зинаида Волконская; писательница, композитор, поэтесса. В петербургском, московском и римском салонах Волконской собирался цвет русской художественной и научной интеллигенции. Ее роль в судьбе отца Иакинфа исключительна. Исследователи предполагают, что еще во время заключения Н. Я. Бичурина в Валааме Зинаида Волконская помогла никому пока не известному ученому, да еще с такой репутацией, найти первого издателя первой книги— разрешение на издание рукописи датируется 1826 годом. Книга «Описание Тибета» вышла через два года с посвящением З. А. Волконской.

Владимир Одоевский; писатель, философ, изобретатель, музыкальный просветитель. В его салоне, по воспоминаниям историка М. П. Погодина, «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами». В своем романе «4338 год» Одоевский отправляет в путешествие по России китайского студента Цунгуева...

Михаил Погодин; знаменитый историк, академик. Встречался с отцом Иакинфом не только у Одоевского. Наезжая в Петербург, непременно посещал в Александро-Невской лав-

ре знакомую келью, которая представляла собой хорошо обставленную трехкомнатную квартиру, с окнами в сад, забитую книгами на разных языках, рукописями, увешанную картами и портретами. Из дневника: «К Иакинфу. Отыскал и приятных два часа». А в 1832 году он дал «обед, на котором присутствовали некоторые московские писатели и ученые» в честь «знаменитого нашего путешественника Н. Бичурина».

Александр Пушкин. Был знаком еще с первыми журнальными публикациями отца Иакинфа. Очное же знакомство состоялось по освобождении ученого из валаамского заточения. «Описание Тибета» он подарил великому поэту с дарственной надписью «в знак истинного уважения». В следующем году Н. Я. Бичурин дарит Пушкину прекрасно переведенную и изданную в Петербурге оригинальнейшую китайскую детскую энциклопедию «Сан-Цзы-Цзин, или Троесловие» с литографированным текстом подлинника – каждые три иероглифа выражали афористичную мысль об истории или назидательный нравственный канон для юных. Когда Пушкин работал над «Историей Пугачева», Н. Я. Бичурин дал ему свою рукопись «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». Поэт отмечал: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью

помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках». Некоторые исторические сведения об участии инородцев в восстании Емельяна Пугачева Пушкин почерпнул из сочинения отца Иакинфа «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии», а также, несомненно, из бесед с ученым, конечным результатом которых, как считал Б. Л. Модзалевский и другие пушкинисты, было решение Пушкина совершить путешествие в Китай вместе с отцом Иакинфом, который туда собрался в начале 30-х годов. Написал царю: «...я просил бы дозволения посетить Китай с посольством, которое туда отправляется». И он безусловно числил отца Иакинфа среди своих друзей.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем...

Не вышло. Граф Бенкендорф письменно сообщил поэту отказ Николая под предлогом, что все чиновничьи посты в посольстве заняты. Может, царь опасался неизбежных

встреч поэта с декабристами?

Николай-Бестужев; декабрист, художник, писатель, изобретатель. По пути в Кяхту отец Иакинф навестил его в Петровском заводе и получил от него драгоценный подарок – четки, сделанные из декабристских кандалов, и железный крестик. Незадолго до смерти Н. Я. Бичурин передал их своей родственнице Н. С. Моллер, которая рассказала об этом в «Русской старине», вспомнив слова деда: «С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их, они мне очень дороги. Был у меня дорогой друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, и этот крестик из его собственных оков и сделан им самим. Ну что, поняла теперь, как дороги они мне и как тяжело мне их отдать?»

И. А. Крылов, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, Н. И. Надеждин, С. И. Шевырев, Н. А. Полевой, А. В. Никитенко и много-много других деятелей русской культуры и науки входили в широкий круг знакомств Н. Я. Бичурина, великого сына чувашского народа.

Во время сибирской командировки Н. Я. Бичурин преподавал в Кяхтинской школе китайского языка, вел обширные научные исследования, собрал уникальные коллекции восточных книг и рукописей, написал и напечатал в столичных газетах и журналах множество статей, завершил работу над учебником «Китайская грамматика». Вернувшись в Петербург, он снова погрузился в научные исследования и переводы. Три его работы были удостоены Демидовских пре-

мий – редчайший случай в истории русской науки. Демидовская премия в те времена, кстати, была самой почетной и престижной для ученых, а также значительной материальной поддержкой, составляя 20000 рублей ассигнациями. Всего при жизни он опубликовал пятнадцать больших монографий, оставив в разных архивах пуды неразобранных рукописей и немало практически законченных работ...

Вот описательный портрет этого человека в старости, сделанный Н. С. Моллер: «Был он высокого роста, держался совершенно прямо. Лицо бледное, очень худое, с провалившимися щеками и выдающимися скулами. Открытый большой лоб, между бровей глубокие морщины. Губы довольно толстые. Глаза большие, темные, блестящие и живые. Побелевшие жиденькие волосы на голове и почти белая густая борода. Движения быстрые, нетерпеливые. Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих».

Н. Я. Бичурин успел передать все свои бесценные коллекции и рукописи в различные научные учреждения и архивы России. Только Казанской духовной академии, согласно описи 1891 года, он подарил «136 названий книг в 219 томах, 16 рукописей, из коих одна – История Китая, переведенная с китайского языка, в 7 томах, 15 названий различных карт, изображений и планов и два портрета, из коих один самого

жертвователя...»

Кончина его была медленной и страшной. Когда он слег, монахи обобрали его до нитки, оставив только ветхую рясу. Н. С. Моллер, навестившая его незадолго до смерти, увидела, что лежит он, парализованный, в грязном белье под рваным одеялом. Умиравший проговорил: «Обижают... не кормят... забыли... не ел». Посетительница подивилась тяжело-му запаху и приподняла одеяло. «Правая нога, распухшая, в пролежинах, и по ней ползали мелкие белые черви, умирающий лежал в нечистотах». Вошел суровый и мрачный старик монах: «Зачем вы здесь? Уйдите!» – «Я внучка». – «У монашествующей братии земных родных не бывает. У них только один отец небесный». – «Он умирает, просит есть, покормите его». – «Об этом не беспокойтесь. Отец Иакинф уже покончил все земные расчеты, он соборован, его ждет пища небесная».

Никиты Яковлевича Бачурина не стало 11 мая 1853 года. Иероглифы на черном обелиске значат: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами»...

О нем существует большая литература, научная и беллетристическая, появившаяся в основном в наше время, к ней я отсылаю любознательного читателя, а из собственных трудов Бичурина в этом веке была переиздана «Китайская грамматика» (1908 год), да незадолго перед тем напечатано в Пекине «Описание религии ученых с приложением чертежей,

жертвенного одеяния, утвари, жертвенников, храмов и расположения в них лиц, столов и жертвенных вещей во время жертвоприношения, составленное трудами монаха Иакинфа в 1844 году». А перед 200-летьем со дня рождения ученого наши востоковеды извлекли из архивов одну из рукописей Н. Я. Бичурина и подготовили «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии». Солидный том в семьсот пятьдесят страниц вышел в Чебоксарах в 1960 году тиражом тысяча экземпляров...

Размышляя над прошлым и будущим России и Китая, Н. Я. Бичурин однажды написал: «Представляя в уме минувшие события, полагаю – ничто не может возмутить братского согласия великих народов»...

Заканчивая эту конспективную вставку о ярчайшей фигуре нашего востоковедения, хочу вспомнить и о достойном преемнике Н. Я. Бичурина. Четверть века в разные годы прожил в Пекине Петр Иванович Кафаров, он же отец Палладий, изучая языки, литературу, историю религий Востока. Оставил труды о жизни Будды, раннем христианстве в Китае, китайско-русский словарь и много других, участвовал в этнографических и археологических изысканиях и умер по пути из последней экспедиции в Уссурийский край. П. И. Кафарову мировая культура обязана тем, что он первым из европейцев обнаружил в китайских библиотеках замечательный памятник монгольской литературы «Сокровенное сказание», оценил его, перевел на русский и напечатал в 1866

году в скромных и малозаметных «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине». Это был литературный в научный подвиг, потому что тексты «Юань-чао би-ши», кроме китайского перевода, содержали еще запись на монгольском языке уйгурским алфавитом и тоническую передачу монгольского подлинника условными китайскими знаками, а события «Сокровенного сказания» сличались с параллельными сведениями из других средневековых источников. К сравнительно небольшому тексту отец Палладий вынужден был сделать шестьсот переводческих уточнений и примечаний! Есть в этой поэме-хронике места трудные, малопонятные, есть протоколно ясные, есть истинно поэтические строки и страницы, мифы и правда...

* * *

Организованная Чингисханом орда теперь могла существовать только при условии непрерывных захватнических, грабительских войн, и в этом таилась одна из причин будущего краха его империи. Четыре года Чингисхан собирает силы, тщательно готовится, изучает первого, собственно, внешнего противника и, когда все было предусмотрено, провокационно оскорбляет посла восточных соседей – на его глазах плюет в сторону чжурчжэньской границы. Это означало войну, и войну большую.

И вскоре она грянула. Десятки лет чжурчжэни возводи-

ли на своих северо-западных границах укрепления – стены из камней и глины, валы, рвы и крепости, а непосредственно перед нашествием успели подновить все сооружения. Укрепленная линия тянулась на полторы тысячи километров и охранялась специальными войсками, но разве мог в каком-нибудь одном месте пограничного вала слабый отряд сдержатъ массированный удар орды, собравшейся со всех западных степей? И все же Субудай не решился атаковать этот защитный вал, опасаясь быстрого подтягивания оборонительных резервов, обошел укрепления с юга и вырвался, выражаясь по-современному, на оперативный простор.

Яростно сражались чжурчжэни-воины под руководством умелых и опытных полководцев, но в открытом поле, где только и выигрывались войны, Субудай, используя маневренность конницы, умел уклоняться от степного сражения, если не был уверен в превосходстве своих сил и успехе, зато учинял жестокую бойню, когда удавалось, исключив всякий риск, создать подавляющее преимущество в численности войск. В самом начале войны перешли на его сторону сто тысяч киданей-воинов, и в 1211 году четырехсоттысячная цзиньская армия потерпела сокрушительное поражение. Однако у Субудая и других военачальников орды в тот период объявилась одна слабость – они еще не умели брать города, и чжурчжэни, героически сражаясь на валах и крепостных стенах, выдерживали долгие осады, распыляли силы врага стремительными вылазками. Субудай досконально

изучил китайский и чжурчжэньский опыт осадной войны, внес в него кое-что свое, однако, несмотря ни на что, война затягивалась. Орда не смогла взять штурмом столицу государства Яньцзин и отошла на запад.

Перед лицом смертельной опасности правительство приняло меры для сплочения разноплеменного населения государства. Китайцы, кидани и представители всех остальных нечжурчжэньских, даже самых малочисленных этнических групп страны – бохайцев, будиту, зеле, еладу, гудянь, мао, мэngu, мудянь, сяма, улусу, сума-дянь, ширюй, чжули, цилу, худунь и других – могли не только сделать военную или гражданскую карьеру, но и добиться в условиях военного времени большего, о чем ясно и кратко говорится в правительственном указе 1213 года: «Инородны, удостоенные чинов и наград, составляют одно целое с народом династии – с чжурчжэнями». Вскоре чужеплеменников начали допускать к экзаменам для получения военных чинов, а еще через год за отличие в боях они стали получать такие же титулы, каких до этого удостаивались только чжурчжэни.

Война омертвляла страну. Торговые связи ее прервались, один за другим исчезали с лица земли города, пала западная столица империи – Ляоян. Государственные дороги приходили в негодность, оросительные системы, десятилетиями создаваемые трудом миллионов крестьян, разрушались, поля зарастали дурниной, армия была деморализована. Завоеватели сгоняли пригородное и сельское население к горо-

дам и под страхом смерти заставляли штурмовать крепостные стены. Иакинф Бичурин пишет, что таким способом было взято девяносто областных городов, «на нескольких тысячах ли пространства почти все жители были побиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони, все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины преданы огню, городские стены превращены в развалины». Современный советский исследователь истории чжурчжэньского государства Цзинь М. В. Воробьев пишет: «Цзиньское правительство в 1214 г. попробовало откупиться от монголов, приняв жестокие условия, но монгольская знать хотела только одного – войны и добычи...»

История сохранила некоторые подробности, характеризующие моральный облик Чингиса и те жестокие времена. Завоеватели, снова разбив главные чжурчжэньские войска и окончательно разорив страну, опять подступили к Яньцзину (Пекину). Но силы их тоже были на исходе, о чем советники доложили цзиньскому императору, безуспешно предлагая дать генеральное сражение в окрестностях города. Иакинф Бичурин в своей книге «История первых четырех ханов из дома Чингисова» рассказывает о том, что предводитель орды послал императору письмо: «...у тебя остался только Пекин. Небо уже привело тебя в бессилие, и если я еще буду теснить тебя, то и сам должен я опасаться небесного гнева. Теперь иду я в обратный путь: хочешь ли угостить мои войска, чтобы укротить гнев моих генералов?» Сам Чингис

получил в жены дочь императора Юн-цзи и богатое приданое – пятьсот девушек и столько же мальчиков, три тысячи лошадей, драгоценности, ткани, а перед отходом приказал предать смерти несколько сот тысяч пленников – молодых мужчин и женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.